

Как вся РАН станет КНБИКС

В распоряжении редакции ТрВ-Наука оказались проекты двух соглашений между ФАНО, Курчатовским институтом и Росатомом. Подписание этих документов запланировано на 2 июня 2016 года. Еще одно соглашение было подписано в феврале. Речь идет о следующем.

Курчатовский институт, ТРИНИТИ (Росатом), Физико-технический институт им. Иоффе РАН и ФИАН им. Лебедева (ФАНО) будут сотрудничать в области **термоядерных и плазменных исследований**. Курчатовский же центр, Калининская АЭС (Росатом), Институт ядерных исследований РАН и ФИАН «Кристаллография и фотоника» РАН (ФАНО) будут сотрудничать в области **нейтринных исследований**.

В соответствии с соглашением будут созданы два межведомственных центра, в каждый из которых войдет Курчатовский центр, одна организация Росатома и два института РАН. У каждого центра будет управляющий совет в составе президента Курчатовского института М. В. Ковальчука, гендиректора Росатома С. В. Кириенко и руководителя ФАНО М. М. Котюкова. Для каждого будет разработана единая программа научно-исследовательской и иной деятельности. Научное руководство разработкой программ и их реализацией будет осуществляться Курчатовским институтом.

РАН не спросили: подписи президента РАН под соглашениями не предусматривается (инте-

ресно, был ли он вообще в курсе происходящего). В то же время подпись руководителя ФАНО в этих договорах представляется выходящей за рамки имеющегося у него мандата, согласно которому ФАНО не осуществляет руководство научными исследованиями подведомственных институтов и, стало быть, не уполномочено передавать таковое третьей стороне. Впрочем, подпись президента НИЦ «Курчатовский институт» Михаила Валентиновича Ковальчука под обоими договорами уже имеется.

Еще одно соглашение было заключено 8 февраля с.г. между ФАНО и Курчатовским институтом в области разработки, создания новых и модернизации существующих экспериментальных **комплексов класса мегасайенс и осуществления на их базе масштабных исследовательских проектов**. Соглашение также предусматривает сотрудничество в исследованиях и разработках в области **конвергентных, нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук**. Кроме того, оно касается исследований в области **ядерной медицины и лучевой терапии**.

Это соглашение является рамочным и затрагивает, по всей видимости, все институты ФАНО. Можно полагать, что готовящиеся соглашения — это конкретизация общих положений соглашения февральского, согласно которому будет разработана программа совместных действий Курчатовского института и ФАНО. Создается координационный совет

во главе с М. В. Ковальчуком и М. М. Котюковым, а общая координация поручена зам. главы ФАНО А. М. Медведеву и вице-президенту Курчатовского института О. С. Нарайкину.

С текстами договоров можно ознакомиться на сайте ТрВ-Наука.

Р. С. В комментарии ТрВ-Наука академик РАН Г. А. Месяц отметил, что ФИАН выступит против этого соглашения, так как оно заключено на неопределенный срок и по другим веским основаниям. «Они манипулируют нами как чемоданом: хочу — поставлю туда, хочу — туда, — подчеркнул академик Месяц. — Я говорил с Фортковым, он ничего не знал, он в недоумении».

Р. Р. С. 30 мая этот вопрос был рассмотрен на Ученом совете ФИАН, а 31 мая, видимо, будет обсуждаться на Президиуме РАН. Решение Ученого совета ФИАН, в котором он возражает против соглашения, будет отправлено и главе РАН, и главе ФАНО. В нем отмечается, что подписанию соглашений должно предшествовать обсуждение с институтами и Президиумом Российской академии наук и что ФИАН не может рассматриваться в качестве ключевого участника в области исследований плазмы токамаков и управляемого синтеза. ФИАН также обращает внимание на необходимость соблюдения правила двух ключей. ♦

В номере

До основания... а затем?

Дискуссия о ВАК и ученых степенях — стр. 1–2

Химия и жизнь популяризации

Елена Клещенко о буднях, трудностях и успехах ведущего российского журнала — стр. 3

О пользе круглых столов и провокативности

Егор Быковский, Наталия Демина, Егор Задереев и Александр Сергеев о научной коммуникации — стр. 4

За свободу творчества!

Андрей Цатурян о предложениях по уставу РФФИ — стр. 5

Что мы знаем о Марсе?

Лекция **Виталия Егорова** в «Курилке Гутенберга» — стр. 8

Лучше без паники

Елена Омельченко, Яков Гилинский и Антон Карпов о самоубийствах с точки зрения социологии — стр. 10–11

Живая структура языка

Очерк **Юлии Черной** о профессоре **Юрии Шатине** — стр. 13

Диссернет в Улан-Удэ

Интервью **Андрея Заякина** с **Валерием Архинчевым** о плагиаторах из Бурятии — стр. 15

До основания? А затем...

В этом номере мы публикуем дискуссию о том, как и кто может присуждать ученые степени. Полный ее текст смотрите на сайте ТрВ-Наука. Обсуждение было начато статьей социолога из ВШЭ Г. Юдина «Брешь в бюрократии. Кто будет присуждать научные степени» (<https://slon.ru/posts/68533>, 25 мая 2016). Тезисы его статьи см. также на сайте нашей газеты. Биофизик **Андрей Цатурян** изложил свои доводы против, на которые **Григорий Юдин** написал контрдоводы.

Андрей Цатурян,
член совета Общества научных работников (ОНР)

Я полностью согласен с Григорием Юдиным, что в идеале ученые степени должны присуждать университеты и научные организации. Они же должны нести репутаци-

онную ответственность за качество этих степеней. Однако я совершенно не готов разделить его восторг по поводу принятия нового закона [1], согласно которому МГУ и СПбГУ, а

вслед за ними и другие научные и образовательные организации получают право самостоятельно присуждать ученые степени.

(Окончание на стр. 2)

(Окончание. Начало на стр. 1)

Мой скептицизм основан на двух обстоятельствах. Во-первых, между первым и вторым чтением этого закона профильный комитет Государственной Думы отклонил принципиально важную поправку, которая давала право организации самостоятельно присуждать ученые степени лишь по тем научным специальностям, в которых данное учреждение добилося серьезных достижений и имеет высокую репутацию.

Как показывает проект «Росвуз» сообщества Диссернет [2] и справедливо отмечает в своей статье коллега Юдин, и в СПбГУ, и, увы, в моем родном МГУ имеются диссертационные советы, в которых было защищено много фальсифицированных диссертаций. Вместо того чтобы начать плавную отмену государственной системы присуждения ученых степеней, предоставив право их самостоятельного присуждения лучшим диссертационным советам с безупречной репутацией, и употребить власть государства на планомерную ликвидацию фабрик по производству мусорных диссертаций, чтобы расчислить, а не «взрывать» «ландшафт», был выбран путь передачи наиболее влиятельным учреждениям права присуждать ученые степени по любым специальностям.

Второй тревожный звонок прозвучал 18 мая 2016 года, еще до вступления в силу закона [1] от 23 мая, когда на общественное обсуждение был выставлен проект постановления правительства РФ [3], регламентирующего правила отбора учреждений, которые вслед за МГУ и СПбГУ получат право присуждать свои ученые степени, но не 1 сентября 2016 года, а после 1 сентября 2017 года.

У образовательного учреждения есть несколько путей попадания в заветный список: оно должно быть достаточно крупным, чтобы в нем училось не менее 1000 аспирантов или адъюнктов, или достаточно богатым, чтобы объем затрат на исследования и разработки превышал 1,5 млн руб. в расчете на одного научно-педагогического работника. Есть и третий путь: каждые 100 научно-педагогических работников учреждения должны размещать в течение года 20 публикаций в изданиях, индексируемых Web of Science.

Если этот проект будет принят, небольшой университет, наскоро переделанный из ПТУ, со штатом в 100 научно-педагогических работников сможет нанять двух «варягов», публикующих по 10 статей в год, и спокойно начнет присуждать ученые степени по философии, математике, экономике, а также акушерству и гинекологии.

Требования к государственным научным центрам таковы: 30 аспирантов или объем выполненных исследований 3,5 млрд руб. независимо от качества результатов этих исследований. Прочим научным организациям надо иметь 50 аспирантов или 200 публикаций в Web of Science.

Заметьте, если есть достаточное количество аспирантов, то ни деньги, ни публикации уже не нужны! Ясно, что при таких критериях право самостоятельно присуждать ученые степени не получит только ленивый, и через год-два ВАК отомрет сам по себе, к радости коллеги Юдина.

Возникает ощущение, что Министерство образования и науки, которое в последние три года с переменным успехом пыталось перекрыть или хотя бы ослабить поток фальшивых и откровенно слабых диссертаций, решило демобилизоваться из авгиевых конюшен и пустить процесс на самотек.

Нельзя сказать, что министерство и ВАК никак не преуспели в этой борьбе. За последние годы полные тексты диссертаций стали выкладывать в Интернет на всеобщее обозрение, были закрыты сотни слабых диссертационных советов, из экспертных советов ВАК удалили некоторых (хотя, к сожалению, далеко не всех) участников производства фальшивых диссертаций, в результате чего само число защит значительно сократилось.

Наконец, совсем недавно был сформирован новый состав ВАК и ее президиума, куда вошли многие ученые, известные своей высокой квалификацией и принципиальностью, в том числе один из основателей Диссернета.

Побочным результатом этой борьбы стало то, что сам процесс подготовки и защиты диссертаций предельно бюрократизировался, на что справедливо сетует коллега Юдин. Но «на осинке не растут апельсинки». И старые, и тем более новые требования к диссертациям и диссертационным советам действительно проникнуты тотальным недоверием к людям.

Это чрезвычайно неудобно для нормальных ученых и аспирантов, но, что греха таить, драконовские меры во многом продиктованы практикой: нередки случаи, когда текст списанной

диссертации подменяли новым, подправленным уже после появления заявления о лишении ученой степени, пачками вбрасывали бюллетени на защите, фальсифицировали публикации в изданиях «Перечня ВАК» и т.д.

К чему же приведет ликвидация ВАК и переход на самостоятельное присуждение ученых степеней университетами и научными институтами в стране, где вся система образования и науки встроена во властную вертикаль? Есть ли шанс, что при этом заработают репутационные механизмы? На мой взгляд, он близок к нулю.

Репутация важна в конкурентной среде с горизонтальными связями. Для нормального профессора или научного сотрудника, конечно же, важна репутация учреждения, в котором он работает. От этого зависит и его самооощущение, и, отчасти, мнение о нем коллег. Однако предлагаемая система максимально дистанцирована от отдельных ученых: она не предполагает конкуренцию диссертационных советов, департаментов или факультетов.

Единственным субъектом является целое учреждение. А как показала выборочная проверка диссертаций ректоров вузов сообществом Диссернет, среди них доля авторов фальшивых диссертаций или участников их подготовки или защиты больше 20%, что вчетверо превышает долю фальшивых диссертаций даже в такой «проблемной» области, как экономика. Вы только скажите этим шулерам, что джентльмены доверяют партнерам, им попрет такая карта, что мало никому не покажется!

Научное сообщество России чрезвычайно неоднородно и разобщено. Положение дел в различных областях науки принципиально различное. Там, где еще в советское время наши ученые были проинтегрированы в мировую науку, ситуация вполне удовлетворительная, а экспертные советы ВАК успешно выполняют роль фильтра, который задает минимально приемлемый уровень качества диссертаций в стране.

По своему опыту работы в экспертном совете ВАК по математике и механике могу сказать, что совет вполне способен оценить уровень рассматриваемых диссертаций. Разумеется, на заседаниях нет времени вникать в детали каждой работы. К счастью, это приходится делать лишь с некоторыми из них, но, для того чтобы оценить уровень, много времени не надо. Достаточно прочитать автореферат, взглянуть на список оппонентов и на ведущую организацию и оценить, насколько они компетентны в этой области; а также, конечно, посмотреть на уровень публикаций соискателя. Важно и то, в каком диссертационном совете защищалась работа. За некоторыми и проверять ничего не надо — там сидят принципиальные профессионалы, которые отфильтруют слабую работу еще на подступах к защите.

В «здоровых» областях науки экспертный совет ВАК является важным элементом системы «горизонтальных» связей, звеном независимой экспертной оценки, создающим и поддерживающим институт репутаций.

Другое дело, что в некоторых общественных и гуманитарных дисциплинах, особенно в тех из них, которые в Советском Союзе были максимально дистанцированы от мировой науки, ситуация куда более запущенная. Там масса обладателей научных степеней, присвоенных за псевдонаучные работы, которые в лучшем случае бессмысленны, а в худшем — списаны, увы, превысила критическую.

Первых еще можно было бы отпустить на вольные хлеба, хотя и не без некоторого ущерба для качества, поскольку само наличие внешней независимой профессиональной экспертизы дисциплинирует, о чем знает каждый, кто посылал статью в международный журнал достаточно высокого уровня.

Однако отпускать в свободное плавание те отрасли науки, в которых настоящие, работающие на мировом уровне ученые находятся в меньшинстве, значит выбросить их за борт без шлюпки и спасательного круга. Боюсь, многие не выплывут, а если и выплывут, то, возможно, в другой стране.

1. www.garant.ru/hotlaw/federal/726616/
2. <http://rosvuz.dissernet.org/>
3. «О порядке формирования перечня организаций, которым предоставлены права, поименованные в пункте 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ „О науке и государственной научно-технической политике“»: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=48899>

Григорий Юдин

ВАК враждебна научному духу

Григорий Юдин,

ст. науч. сотр. лаборатории экономико-социологических исследований НИУ-ВШЭ

Опасения, которые высказывает Андрей Цатурян, стоит разбить на две категории. Я полностью разделяю его недоумение в связи с тем, что исключительными полномочиями были наделены МГУ и СПбГУ, и думаю, что наихудший сценарий будет состоять в том, что эти два вуза (возможно, совместно, с несколькими другими) возьмут на себя функции ВАК.

В этом случае мы получим дополнительное усиление крупных и влиятельных вузов, которые, благодаря сверхконцентрации ресурсов и агрессивной стратегии «пылесоса», и без того почти задушили в последние годы здоровую конкуренцию и уничтожили академический рынок труда. Поскольку эти вузы не располагают квалифицированными кадрами для осуществления экспертизы, новая реинкарнация ВАК будет ничем не лучше действующей. Поэтому реформа имеет смысл для обновления науки только в том случае, если ВАК будет упразднена и научные организации будут присуждать степени сами, под свою ответственность.

Чем мы рискуем, если устраним его? Тем, что фабрики липовых диссертаций увеличат производительность вдвое? Пусть увеличивают — нынешней печальной ситуации это никак не изменит. Зато утверждение «Я кандидат наук» скоро потеряет смысл без ответа на вопрос «А где Вы защищались?». И как только это произойдет, спрос на услуги диссертационных бизнесменов сократится сам собой — упоминание известных фабрик липы будет навлекать на их клиентов позор вместо обещанного престижа.

Нет необходимости придумывать, чем заменить эту порочную систему. Рядом с ней уже существует альтернативная система академических репутаций, благодаря которой и производятся качественные работы. Ее не нужно создавать, она давно успешно функционирует, просто ее работа сдерживается централизованным аппаратом, завязанным на ВАК.

Этой системой успешно пользуемся мы с Андреем Цатуряном, который сам указывает, что первым делом выясняет, в каком сове-

Рис. О. Добровольского

Вторая угроза, которую видит Андрей Цатурян, состоит в том, что если убрать всякий контроль, то степени станут присуждать «и жук, и жаба», на пути разного рода мошенничества и безграмотности уже больше ничего не будет стоять и на нас хлынет поток мусорных диссертаций. Это тоже обоснованное опасение — более того, я полагаю, что так поначалу и будет.

Но постойте — разве мы не находимся уже в этом потоке? Разве каждый второй чиновник не считает долгом купить себе степень? Разве горы идеологического бреда не защищаются под видом диссертаций по всей стране? С тех пор как началась расчистка авгиевых конюшен, на поверхность всплыло много имен мошенников — но ситуация с присуждением степеней не стала лучше. И это не проблема исключительно социальных и гуманитарных дисциплин — достаточно посмотреть, за что сейчас дают степени в медицинских науках. Надо признать: сегодня сам по себе факт наличия научной степени не говорит об академической квалификации ее носителя ровным счетом ничего.

Мы не говорим о системе, которая худобно позволяет поощрять и оценивать молодых исследователей, пусть и с серьезными недостатками. Напротив, это бюрократический механизм, который систематически мешает заниматься наукой, и любая защищенная толковая диссертация подготавливается вопреки этому механизму, а не благодаря ему.

те защищалась работа, кто были оппоненты (в других странах сказали бы «члены диссертационного комитета»), где диссертант публиковался. Я работаю в социально-гуманитарных науках и обращаюсь к тем же самым критериям. Зачем нам вдобавок к этому нужно еще какое-то решение ВАК, чтобы составить свое мнение — тем более что ВАК всё равно пропускает всё что угодно?

И последнее. Я убежден, что, если бы ВАК целиком состояла из людей такой квалификации и преданности научной этике, как Андрей Цатурян, мы получили бы лучшую из ВАК, возможных в этом мире. Но и в этом случае ВАК оставалась бы враждебной научному духу.

Российские ученые ничем не хуже французских, американских или немецких коллег. Но коллеги спокойно живут без ВАК, а у нас присуждение степеней почему-то должно освящаться государством. Модели функционирования науки в других странах показывают, что ученым ВАК не нужна — она нужна только бюрократам.

Наука как область человеческой деятельности движется вперед на жажде нового знания, а попытки подчинить ее государственному административному аппарату ведут только к тому, что ученые начинают мыслить, разговаривать и писать на языке бюрократов. Если власть академической бюрократии удастся сократить, это станет куда большим достижением, чем появление в ней правильных людей. ♦

— Кем и когда был создан журнал?

— Годом рождения «Химии и жизни» мы считаем 1965-й, когда вышел первый номер журнала; то есть в прошлом году мы отметили 50-летие. Это было государственное дело — ЦК КПСС направил указание Президиуму АН СССР создать научно-популярный журнал «Химия и народное хозяйство».

Задачей ставились популяризация химического знания, пропаганда достижений химпрома, пробуждение интереса к химии у школьников. С названием, к счастью, обошлось, в Академии понимали, что популярный журнал так называться не может, и предложили «Химию и жизнь». В сущности, журнал сделал Михаил Борисович Черненко, бессменный заместитель главного редактора в течение двух десятков лет; кстати, 11 мая ему исполнилось 90. И конечно, опорой журнала, его шотом всегда был главный редактор академик Игорь Васильевич Петрянов-Соколов.

— Менялась ли концепция журнала за эти годы?

— Менялась, и не раз. Ранние годы я не застала, но если примерно — на смену «ХиЖ» 1960–1970-х, бодрой пропагандистки химизации, пришла фрондерская «ХиЖ» 1980-х, любимый журнал научной и творческой интеллигенции, такой оазис в пустыне. Потом 1990-е, это уже при мне: больше никаких запретов, зато все прелести рынка.

Сейчас думаю, что тогдашний состав «ХиЖ» не испугался и не разбежался исключительно по молодости лет. Надо еще понимать, что тогда не было нынешней парадигмы «Писать о науке — это круто и весело». Советская парадигма умерла, новая не родилась. Коллеги из других изданий спрашивали, отчего мы не идем туда, где можно заработать. Ученые — не все, но бывало — говорили, что мы занимаемся никому не нужной ерундой, вульгаризацией науки...

Основную тяжесть вынесла на своих плечах главный редактор, Любовь Николаевна Стрельникова. Если бы не она, журнал бы закрылся тогда, как, собственно, нам все и обещали. А концепция в то время была простая: делай что должно, и будь что будет. Рассказывай о науке тем, кому это всё еще интересно.

— Сейчас лучше, чем тогда?

— По крайней мере в одном отношении: сообщество расширилось, не чувствуешь себя одиноким фриком, зачем-то пишущим на странные темы. Люди хотят учиться научной журналистике, стремятся в эту сферу, а не из нее. И при этом (пока еще?) другие издания не воспринимаются как злые конкуренты.

Я с удовольствием пишу для «Кота Шрёдингера», у вас тоже публиковалась, нашу Наталью Резник читателям «Троицкого варианта» представлять не

Химия и жизнь популяризации

Нам показалось, что в этом номере газеты, где обсуждаются проблемы популяризации и коммуникации в науке, было бы весьма уместно дать слово одному из самых старых и известных научно-популярных изданий. На вопросы ТрВ-Наука ответила зам. главного редактора журнала «Химия и жизнь» писатель-фантаст Елена Клещенко.

надо. С другой стороны, Михаил Гельфанд и Борис Штерн публиковались в «ХиЖ». Для нас написал несколько статей замечательный Сергей Ястребов, постоянный автор сайта «Элементы.ру», и так далее.

— Не ведет ли это к потере индивидуальности издания?

— Вряд ли. Скорее наоборот, позволяет журналистам реализоваться по-разному, в разных условиях. Да, и еще о концепции. В современной «ХиЖ» стало меньше химии и больше биологии. Читатели-химики сердятся, говорят: переименуйтесь в «Биологию и жизнь». Но журнал — зеркало действительности.

Посмотрите на список Нобелевских премий по химии: сколько из них досталось биологам? Или давайте посчитаем, сколько биологов по образованию среди научных журналистов. Тем не менее мы видим тут проблему и думаем над тем, как бы нам больше соответствовать названию.

В современной химии происходит много интересного, а знают об этом мало. «Это химия» в современном русском языке практически означает «это какая-то гадость». Люди будут читать это интервью, сидя на продуктах химической промышленности, глядя на них, по ним же будут стучать пальцами, набирая ответный коммент, — и всё равно ведь кто-нибудь напишет, что «химия — это плохо!» С этим надо что-то делать, как и с ГМО-невежеством, и со всеми прочими разновидностями невежества. Небиологическую химию нельзя забывать. Мы очень рады нашему сотрудничеству с Аркадием Курамшиным из Казанского федерального университета, хотим, чтобы таких авторов было больше.

— Какова аудитория журнала, на кого редакция ориентировалась раньше и на кого теперь?

— Наверное, сейчас она такова же, как в самом начале: молодежь, которая всерьез интересуется естественными науками. В 1980-е годы «Химия и жизнь» была журналом для всех понимающих людей, обязательным чтением. Но, знаете, я не хотела бы, чтобы вернулись те времена. Тогда «ХиЖ» была почти единственным светом в окошке, только в ней можно было прочесть и фантастику, которую не печатали в другом месте, и безумно храбрую цитату из Булгакова, и тексты бардовских песен, и как варить джинсы. И за все эти шалости тогдашнее руководство жур-

нала сурово критиковали сверху. Не надо нам такой реальности, пусть лучше будет меньшая популярность, та, которую можно заработать одной только научной журналистикой. Хотя, конечно, реальность не нам выбирать.

В общем, мы держим курс на аудиторию, которая хочет всё знать. На умных школьников, на взрослых людей, у которых еще есть силы интересоваться чем-то, кроме работы или учебы. Иногда становится страшно, что мы слишком сложные, что наши статьи в эпоху клипового мышления никто не дочитывает. А потом на выставке подходит человек и говорит: «Только не будьте проще, спасибо за уважительное отношение к читателю», — и значит, всё хорошо.

— Какое у вас соотношение бумажных и онлайн-публикаций?

— Из каждого номера мы выкладываем на сайт минимум пять материалов, со временем добавляем еще. Лично я вижу в этом только пользу. Авторы часто спрашивают: а на сайте моя статья будет? Как правило, хотя, чтобы была.

— Кто финансирует работу журнала?

— На постоянной основе никто, мы живем за счет подписки, продажи электронного архива, разных проектов и благотворительности. Гонорары у нас низкие, зарплаты тоже не шестизначные, но в пределах этих сумм мы не зависим ни от кого, кроме наших дорогих читателей. Это на самом деле очень важно. Существенную помощь получаем от компании «Сибур», она явно заинтересована в пропаганде естественных наук среди школьников. «Сибур» дарит учителям подписку на журнал, профинансировал технические работы с нашим архивом.

— Самые удачные публикации за последние пять лет?

— Назову по своему субъективному впечатлению. Большая статья главного редактора о Леониде Аркадьевиче Костандове «Главный химик страны» в августовском номере прошлого года, к его юбилею [1]. В отличие от некоторых читателей, я не смогла в ней увидеть «пропаганды советской власти». На мой взгляд, это статья о человеке, который сделал очень много в далеко не идеальных условиях.

Неудобно хвалить себя, но статья «ГМО: городские мифы» хорошо пошла, волны до сих пор докатываются [2].

Статья о кирказоне: там была история о бельгийских женщинах, которые принимали китайский травяной сбор для похудения, а получили сильнейшую почечную недостаточность, у половины развился рак; оказывается, кто-то неправильно прочитал китайский иероглиф [3]!

«Сказки о биорезонансе» — Леонид Ашкинази взял интервью у специалиста из МОНИКИ, который выяснял, как работает, точнее, не работает аппаратура для биорезонансной терапии и биорезонансной диагностики [4]. Цикл статей «Биогенез» Михаила Никитина [5] о возникновении жизни на Земле. Когда мы его готовили, было некоторое беспокойство: цикл совсем не простой для понимания, это скорее научпоп, написанный ученым для других ученых. Но тема очень важная идеологически: до сих пор еще некоторые люди даже среди биологов верят если не в «разумный замысел», то в «нередуцируемую сложность»; биообъекты якобы столь сложны, что их появление необъяснимо с позиций науки. И вот эти непростые статьи получили на следующий год Беляевскую премию. Ходят слухи, что у автора скоро выйдет книга.

И еще, не могу промолчать: свехкороткий рассказ из рубрики «Нанофантастика» «Общая черта» Алексея Лисаченко [6]. Он внешне простенький, но по такому формальному показателю, как лайки и шеры в «Фейсбуке», на пару порядков опередил большие и серьезные рассказы. Видимо, попал в чувствительную точку.

— Вы отбираете фантастику через сетевой конкурс? Насколько такая практика оправдана?

— На мой взгляд, такой подход был неизбежен. В нулевые годы пишущий народ освоил Интернет, адрес редакции появился на сайтах, где собираются писатели-фантасты. И вот картина: наш заведующий литотделом прекрасный Борис Аркадьевич Горзев тонко очиненным карандашом правит очередного фантаста, подчеркивает ему стилистические небрежности, задает вопросы по логике сюжета, а дежурный несет сегодняшнюю почту — еще десять рассказов и роман. Борис Аркадьевич меня спрашивал: Леночка, откуда у нас взялось столько писателей?

Стало понятно, что работать старыми методами, при всей их пользе, с каждым рассказом из самотека про-

сто невозможно. Так мы придумали конкурс фантастики «ХиЖ», в этом году он, надеюсь, пройдет в тринадцатый раз, огромная благодарность за это нашим постоянным участникам и арбитрам.

— С какими трудностями сталкивается журнал теперь?

— Конечно, с финансовыми, грант на десяток миллионов рублей нам бы не помешал, но это может сказать о себе каждый. Следующая трудность — та же, что на Черноморской киностудии в «Золотом теленке»: затянувшийся переходный период, когда «немного кино уже нет, а звукового кино еще нет».

Мы постоянно слышим, что бумажные издания умирают; и действительно, подписка падает, молодежь отвыкает от бумаги. При этом многие подписчики не желают электронной версии, просят, чтобы мы не отказывались от бумаги. Кстати, электронную версию журнала мы начали делать одними из первых. Боюсь, у многих наших российских читателей просто нет электронных устройств для чтения, как бы странно это ни звучало. А читать с экрана не всем нравится.

С другой стороны, мы не можем просто выложить на сайт статьи, которые были на бумаге, — то есть можем, но денег это не даст. Ясно, что для новой жизни надо меняться, приобретать новые опции.

— Есть ли понимание, как развиваться дальше?

— Кое-какие идеи есть. Например, сейчас готовится к выходу электронный архив журнала нового поколения. Предыдущие архивы продавались на DVD, новые номера читатель мог покупать в электронном виде и хранить у себя на компьютере. Это было нормально десять лет назад, но не сейчас. Теперь архив журнала будет жить у покупателя на жестком диске, и он будет обновляющимся.

Если владелец захочет подписаться, то каждый новый номер подвергается в архив, то есть будет возможен поиск по журналу от января 1965 года до текущей даты. Если не захочет — будет пользоваться имеющейся базой; если захочет через два года — получит все номера одновременно, и так далее. Подписка на электронную версию тоже станет более практичной. В будущее смотрим с осторожным оптимизмом.

- <http://hij.ru/read/issues/2015/august/5543/>
- <http://hij.ru/read/issues/2012/july/1126/>
- www.hij.ru/read/issues/2013/october/2919/ <http://www.hij.ru/read/issues/2013/october/2920/>
- www.hij.ru/read/issues/2014/april/4874/
- www.hij.ru/read/our-serials/biogenez/1947/
- www.hij.ru/read/issues/2014/march/4819/

Хотелось бы узнать о полезных (и вредных, если есть) свойствах «чая» мате — из парагвайского падуба. Вызывает ли он рак? Как влияет на сон?

Нет другого такого коллектива, как у вас. Способно за тонкий юмор, остроумие, способность просто говорить о сложном, доброжелательность. Читал вас интенсивно лет 30 назад и на днях обнаружил, что вы — такие же, это здорово! Иллюстрации восхитительны. Дарвинизма только многовато, пережили уже примитив... Я биолог. Спасибо.

Теперь у меня, кроме одного номера («зачитали»), хранятся все журналы за последние 16 лет и вырезки за предыдущие четыре десятилетия. Есть электронный архив, но я перечитываю бумажную версию. Очень качественное издание! ♦

«Дорогая редакция!..»

Цитаты из писем читателей

XX век

Художественное оформление журнала! Оно мягко говоря — идиотское! Сколько можно терпеть вашу слабоумную оригинальность? Неужели нет на вас управы? Пора пресечь ваше самодурство и всю компанию бездарных художников — разогнать! Далее, вообще вы производите впечатление кучки ограниченных и недоразвитых людей — т.к. я бывала у вас в редакции (из любопытства) — вот мое впечатление: а) дым висит коромыслом, хотя вы пропагандируете отказ от курения; б) стены и двери обклеены ироническими репликами, рассчитанными на шок у балбесов! в) кто-то сидит с собакой?! г) женщины ходят в

джинсах, которые являются критерием низкого эстетического вкуса; д) шум, как на базаре! Да, не зря вам отвели подвальное помещение!

Мой личный многолетний статистический анализ национального состава авторов... показывает, что вы очень пристрастны к авторам-евреям (их процент очень высок).

...Когда из всех членов семьи именно мне выпадает счастье первой вытащить «Химию и жизнь» из почтового ящика, глядя на бегу на обложку журнала и рискуя свалиться с лестницы, я предвкушаю встречу с тем бесконечно интересным, что найду внутри.

Наше время

Тридцать восьмой год работаю в школе. Журнал по-прежнему интересен, многие материалы использую для уроков, семинаров, во вне-

классной работе. Современные дети тоже читают как свежие номера, так и «древние» (это их словечко).

(Из письма под заголовком «Антирелигиозные тенденции на страницах „ХиЖ“»):

Оправдались мои подозрения. Вы предвзято относитесь к ТЭ и заняли «оборонительную позицию» по отношению к «мракобесию» Церкви. Очень жаль, очень... В суд, конечно, я на вас подавать не буду, мои личные чувства этот рассказ ничем не задел, просто недоумение (умные люди, а играете в бирюльки). Просто не стану продлевать подписку и забуду о некогда хорошем журнале...

Я студент, пишу статью про методы получения высокодисперсных частиц. У Вас в журнале статей близко по этой теме нету?

Елена Клещенко

Когда я слышу фразу «научные коммуникации», то сразу же хочется схватиться за виртуальный пистолет. Я от участия в таких мероприятиях отказываюсь и стараюсь их даже не посещать. Впрочем, в последний раз решила преодолеть стереотип и посетить круглый стол 9 декабря 2015 года о научной коммуникации на Неделе науки в Москве.

Анонс и спикеры были многообещающими. «ГАРМОНИЯ НАУКИ, БИЗНЕСА И ОБРАЗОВАНИЯ: КАК КОММУНИКАЦИИ ПОМОГАЮТ СБАЛАНСИРОВАТЬ ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ СТОРОН», — гласила тема, одни заглавные буквы чего стоят. «Грамотная коммуникация — ключ к решению большинства проблем. Однако наука, образование и бизнес говорят на разных языках и не готовы прислушиваться к потребностям друг друга. В ходе круглого стола эксперты проанализируют главные «обвинения» в сторону науки, бизнеса и ВУЗов и расскажут о том, как при помощи коммуникации можно сбалансировать интересы всех сторон», — общал анонс [1].

В итоге никакого секрета баланса найдено не было, а самым запо-

«Научная коммуникация» — время и деньги на ветер

Наталия Демина

минающимся моментом стала перепалка между Михаилом Гельфандом и Еленой Когтевой, руководителем пресс-службы Московского государственного машиностроительного университета, о фальшивых диссертациях в этом вузе (см. видеозапись <https://youtu.be/ofBwuiZdcsl>).

В традициях классической научной коммуникации Елена Когтева пригласила Михаила Гельфанда в свой вуз. Миша в ответ рассказал, что уже был там на заседании диссовета, который посчитал, что крупные заимствования из пяти источников не плагиат. «Более того, мы посмотрели диссертацию вашего ректора, и там...» Елена, ничуть не смутившись, парировала так: «Диссертацию пишут частные лица, а уни-

верситет — это огромный организм со своим метаболизмом. Приезжайте, в обмен на Вашу лекцию по биоинформатике я Вам устрою встречу с ректором». Просто мастер-класс по научной коммуникации: как надо реагировать на обвинения в фальшивых диссертациях!

Интересно, что по-настоящему интересные вещи о непонимании между различными субъектами научно-образовательной сферы выявляются, когда речь идет собственно о науке, а не о коммуникации. Так, на той же Неделе науке была свидетелем одной истории из жизни междисциплинарности. На круглом столе о нейронауках и нейротехнологиях «Где ждать прорыва?» нейробиологи, прикладные математики и даже хирурги выс-

шей квалификации (Пол Томпсон, Филипп Хайтович, Владимир Зельман и др.) рассуждали о мозге и что мы о нем знаем.

Встал физик и спросил: «Можно ли сделать больший мозг и можно ли два мозга соединить друг с другом?» Ему ответили, что, мол, протокол соединения пока неизвестен и нет соединяющей шины, ее пока не придумали и пр. Круглый стол закончился, и я услышала, как физик с довольным видом сказал друзьям: «Ну вот они и признались, что ничего не знают о мозге!»

Выскажу непопулярную гипотезу, что абсолютное большинство мероприятий по научной коммуникации — дань некоей моде и возможность получить гранты и прочее финансирование, по сути отрывающее деньги от самой науки. Когда слова «научные коммуникации» выйдут из моды, то их заменят чем-то еще более звучным и уже под них будут искать финансирование, с тем же КПД.

Нескончаемые круглые столы, семинары, дискуссии о том, как сделать научных коммуникаторов еще более лучшими коммуникаторами, мне представляются неразумной тратой времени, денег и прочих ресурсов. Мне кажется, что если хочешь заниматься научной коммуникацией, то иди и занимайся — общайся с учеными, с коллегами, читай материалы на разных сайтах. Зачем обсуждать то, чем надо заниматься не в теории, а на практике?

В общем, мой главный тезис таков: «Не трать время, не говори о научной коммуникации, а занимайся ею».

1. http://moscowscienceweek.ru/upload/programm_download.pdf

«Популяризация науки»: как любовь к прошлому заставляет бояться будущего

Егор Задереев

ка)? Любый специалист по коммуникациям — забудем на минутку про науку — скажет, что для достижения этих двух абсолютно разных целей требуются совершенно разные средства.

Например, фильм «Железный человек», безусловно, может сделать науку популярной — ведь главный герой (по факту ученый) с небывалой легкостью совершает грандиозные открытия, которые притягивают к нему полуобнаженных красоток и миллиарды долларов, да еще и помогают регулярно спасать мир. Чем не модель для подражания? Но вряд ли этот фильм рассказывает популярно о науке и вообще хоть немного объясняет зрителю, что такое современная наука.

Парадокс ситуации в том, что популяризация науки является частью более широкой сферы — научных коммуникаций. Более того, переход к общепризнанному в мировой практике термину позволяет избавиться от неопределенности в предмете «популяризации».

Наблюдая на протяжении последнего года вспыхивающие на просторах Рунета локальные стычки приверженцев разных стилей «популяризации науки» и научных коммуникаций, я сформулировал для себя довольно формальное разделение научных коммуникаций на три сегмента. Подобное разделение позволяет разнести разные активности в этой сфере. Бо-

лее того, оно показывает, как разные активности могут помочь друг другу.

Мне кажется, в самом общем виде имеет смысл выделять *корпоративные, просветительские и развлекательные* научные коммуникации.

Целью просветительских коммуникаций в целом является просвещение общества. Строго говоря, они не решают интересов конкретных организаций. Заказчиком таких коммуникаций могут быть либо государство, либо некоммерческие организации или фонды, функционирующие на пожертвования меценатов или самого общества. Аудитория просветительских коммуникаций обычно невелика. Чаще всего это люди, которым уже интересна наука. Основные участники процесса просветительских научных коммуникаций — это ученые, научные журналисты, люди так или иначе связанные с наукой.

Корпоративные коммуникации направлены на продвижение бренда (организации; сообщества ученых; в конце концов, науки как корпорации), и их целью является решение таких корпоративных задач, как привлечение абитуриентов или новых кадров, привлечение внимания лиц, принимающих решения, повышение лояльности общества к ученым. Так или иначе, корпоративные коммуникации направлены на монетизацию — в результате коммуникаций корпорация получает конкретный профит. Заказчиком

таких коммуникаций выступает сама корпорация.

В настоящее время бум научных коммуникаций в России в первую очередь связан с ростом этого типа коммуникаций. Крупные университеты, институты развития, другие организации поняли возможности научных коммуникаций и активно их используют для позиционирования себя как на российском, так и на международном рынке. Для корпоративных коммуникаций нормой является привлечение к работе людей, для которых коммуникации — это профессия (назовем их кратко, хоть это и не всегда верно, пиарщиками).

Развлекательные коммуникации, с одной стороны, могут быть направлены на расширение потенциальной аудитории научных коммуникаций за счет упрощения контента, а с другой, например для традиционных СМИ, — на расширение их аудитории за счет привлечения в том числе и тех, кому интересна наука. В целом наличие на рынке развлекательных форматов скорее говорит о том, что научная тематика перешла некий порог популярности в обществе.

В чистом виде все эти виды научных коммуникаций встречаются крайне редко. Более того, их взаимопроникновение выгодно всем участникам процесса научных коммуникаций. «Просветителям» могут быть

полезны навыки «пиарщиков» (я уж не говорю про ресурсы корпораций, которые позволяют проводить просветительские мероприятия) и та аудитория, которая есть у «развлекателей». «Пиарщикам» нужны квалифицированные «просветители».

Можно привести десятки примеров, как эти типы научных коммуникаций реализуются, взаимопроникают и дополняют друг друга в самых разных российских проектах в области научных коммуникаций. Если внимательно посмотреть на лауреатов учрежденной Министерством образования и науки премии «За верность науке», то можно увидеть, что многие из них в своих проектах совмещают все три типа научных коммуникаций.

Выскажу непопулярную гипотезу, что нелюбовь популяризаторов науки старой волны к росту научных коммуникаций в стране связана с их возможным страхом потерять статус ярких звезд на пустом небосводе. Мне кажется, такой страх совершенно неоправдан. Научные коммуникации расцвели это небо, зажгли на нем десятки новых проектов и имен.

Смешение методов и форматов будит любопытство, позволяет увеличить охват аудитории, привлекает новых людей к научной тематике. Ресурсы корпораций и навыки профессиональных коммуникаторов делают возможными проекты, о которых раньше можно было только мечтать. В общем, мой главный тезис таков: «Не нужно бояться нового, не трать время на воспоминания о прошлом, а занимайся эффективной научной коммуникацией».

1. <http://truescience.ru/nomination>

Егор Быковский, научный журналист, зав. отделом науки журнала «Вокруг света», автор и ведущий радиопередачи «Наука в фокусе»:

О пользе столов и провокативности

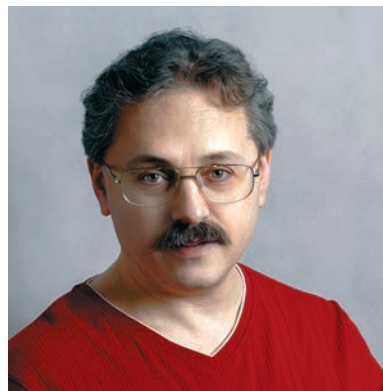
Научные коммуникации нужны, а столы о научной коммуникации — не очень (особенно если на этих столах нет выпивки и закуски). Я за свою жизнь побывал в разных индустриях. Так вот всякие внутриотраслевые конференции устраиваются обычно не для того, чтобы обменяться полезной информацией (это в основном происходит в рабочем порядке), сколько для того, чтобы потусить вместе, в лицо друг друга повидать. Если люди и так постоянно встречаются (как автомобильные журналисты, на выездах и тест-драйвах), то им специальная конференция не нужна. Интернетчикам в свое время, не отлипавшим от компа, остро была нужна — и появился РИФ.

Научные коммуникаторы и так пересекаются, им дополнительные «столы» особо ни к чему.

Александр Сергеев, научный журналист, модератор Клуба научных журналистов:

Научная коммуникация, как я ее понимаю, — это относительно недавно возникшая форма деятельности, которая отчасти включает популяризацию науки, но содержит и новые моменты, которые еще совсем плохо поняты даже самими коммуникаторами. С моей точки зрения, научная коммуникация — это ответ на пробле-

му фрагментации культуры, вызванную чрезвычайно быстрым развитием науки. Первым эту тему обозначил

Ч. П. Сноу в эссе «Две культуры и научная революция». Чуть позже в нашей стране проблема фрагментации культуры нашла отражение в дискуссии «Физиков и лириков».

Но то был лишь первый этап — развод между общей («гуманитарной») культурой и наукой. Дальше — больше: биологи стали косо смотреть на физиков, физики — на инженеров, инженеры — на психологов, а все они вместе — на философов, предпринимателей и политиков. Приведенные примеры мизикоммуникации между физиком и нейрочеловеком, а также между Еленой Когтевой и Михаилом Гельфандом прекрасно иллюстрируют положение дел. От себя могу добавить пример безобразной травли, которой некоторые ученые-биологи подвергли научных журналистов, ►

8 апреля 2016 года правительство РФ вынесло на общественное обсуждение проект устава Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) [1]. Среди тех, кто предложил дополнения и поправки к этому проекту, был Совет по науке при Минобрнауки (далее — СпН) [2]. В этой заметке описаны проблемы, на решение которых направлены предложения Совета, и предлагаемые пути их решения.

Физики и лирики, а также отцы и дети

Не успело выйти распоряжение правительства о слиянии РГНФ с РФФИ [2], которое серьезно обеспокоило коллег-гуманитариев, опасавшихся, что, оставшись в меньшинстве в новом фонде, они подвергнутся дискриминации, как стали известны результаты конкурса новых инициативных проектов РФФИ.

Научные группы численностью до 10 человек во главе с учеными, зачастую имеющими высокую международную репутацию, получили на 2016 год целых 450 тыс. руб. По текущему курсу ЦБ это составляет 56,5 долл. в месяц на каждого члена коллектива, включая накладные расходы, командировки, покупку оборудования и расходных материалов. Не говоря уже об инфляции и девальвации, которые в последние два года резко обесценили рубль, такими маленькими даже в рублевом выражении гранты РФФИ не были уже много лет, а доля расходов РФФИ, выделяемая на них, никогда была такой низкой! Дело дошло до того, что один из руководителей Фонда публично заявил, что ценность грантов РФФИ не в деньгах, а в престиже и признании профессиональной состоятельности их обладателей.

Способные молодые ученики озадаченных руководителей этих грантов, точнее, те из них, кому посчастливилось выиграть в том же РФФИ гранты «мол_а_дк», «мол_нр» или «мол-вед», получили почти вчетверо больше, по 1,7–2 млн руб. в год, и теперь могут свысока посматривать на своих непутевых учителей. Заодно талантливая молодежь получила важный урок: в момент преодоления порога «молодежного» возраста перед ними встанет выбор — уехать в страну, где труд ученого оценивается выше, сменить профессию или положить зубы на полку. Боюсь, найдется немного толковых и востребованных молодых ученых, которые выберут «стоматологическое» решение этой проблемы.

СпН предлагает упорядочить линейку грантов РФФИ, с тем чтобы «молодежные» гранты не превосходили по объему гранты, присуждаемые по конкурсам, не имеющим возрастных ограничений. Политика Фонда должна помогать молодым ученым строить самостоятельную научную карьеру, а не создавать конфликт поколений!

Не должен обо всем судить сапожник

Важно отметить, что решения о присуждении любых молодежных грантов

Устав РФФИ: предложения Совета по науке при Минобрнауки

Андрей Цатурян

РФФИ, включая наиболее крупные из них, принимают не тематические экспертные советы, в которых собраны специалисты в соответствующих отраслях науки, а единый «молодежный» экспертный совет, в котором каждая область науки представлена одним-двумя специалистами, а некоторые науки не представлены вовсе. В таком совете профессиональное коллегиальное обсуждение невозможно и мнение одного члена совета или одного некомпетентного (или недобросовестного) эксперта оказывается решающим.

СпН предлагает отказаться от этой практики и восстановить трехступенчатую систему экспертизы: эксперты — профессиональный экспертный совет («панель») — Совет фонда для всех конкурсов РФФИ, включая молодежные. Тематические экспертные советы РФФИ вполне способны подвести итоги «молодежных» конкурсов: отдельной «молодежной» науки не существует. Наличие профессиональной «панели», т.е. экспертного совета, состоящего из признанных специалистов в данной области знаний, является необходимым звеном научной экспертизы, поскольку именно на этом этапе происходит коллегиальное профессиональное обсуждение, в ходе которого могут и должны быть нивелированы последствия конфликта интересов, некачественной или предвзятой экспертной оценки и т.д. Альтернатива этому — механический подсчет баллов или беспринципное лоббирование.

Бег в мешках как олимпийский вид спорта

Другим «технологическим отверстием», через которое деньги РФФИ текут от инициативных проектов научных групп, являются узкотематические «ориентированные», или «поисковые», исследования. Ориентированными или поисковыми эти исследования называют потому, что они якобы сориентированы на поиск практического применения результатов фундаментальных исследований. Тематику таких целевых конкурсов предлагают члены Совета РФФИ. Они же формируют отдельные экспертные советы по каждому «офи-м» конкурсу, так как еще одной характеристикой

конкурсов, по которым присуждаются такие гранты, в несколько раз превосходящие инициативные, является их «междисциплинарность».

Именно под этим предлогом под каждый такой конкурс добавляются новые пункты рубрикатора РФФИ, и создается новый экспертный совет. Например, итоги конкурса по теме № 602 «Фундаментальные задачи акустической томографии и мониторинга, ориентированные на современные проблемы освоения Арктики» подводит специальный междисциплинарный экспертный совет, который в обход экспертного совета по наукам о Земле выделяет гранты, в несколько раз превышающие финан-

единение этих двух разнонаправленных задач в одну, да еще и в приложении к одной единственной отрасли промышленности, представляется совершенно искусственным и наводит на мысль, о том, что единственная цель такого объединения — получение больших грантов лицами, так или иначе связанными с инициатором темы.

Ведь затея та же «фундаментальные проблемы вычислений и предсказательного моделирования» после небольшой модификации будут приложены к машиностроению, животноводству или пищевой промышленности. И каждый грант по такому проекту «стоит» в несколько раз больше инициативного. Что же после этого удивляться тому, что средний инициативный грант РФ стал постыдно маленьким? Узкотематические конкурсы, сама формулировка которых зачастую уже предопределяет круг возможных победителей, давно вызывают справедливую критику со стороны научной общественности. Они похожи на бег в мешках по сравнению с классическими олимпийскими видами спорта.

Совет по науке предлагает отказаться от поддержки ориентированных, или поисковых, исследований как отдельного вида деятельности РФФИ. Несомненно, многие фундаментальные исследования могут и должны быть впоследствии применены на практике, и такие проекты следует поощрять, однако фонд фундаментальных исследований не может и не должен финансировать прикладные разработки, а тем более делать их своим приоритетом и финансировать в повышенном объеме именно такие проекты, зачастую выполняемые в рамках искусственно сформулированной узкой тематики.

СпН полагает, что экспертизу междисциплинарных проектов, которые, без сомнения, Фонду следует поддерживать, должны проводить два или более тематических экспертных совета. Проведение для этого отдельных, узкотематических (пусть даже междисциплинарных) конкурсов, иницируемых по непрозрачной процедуре узким кругом лиц и проводимых специально для этого созданными экспертными советами, создает условия для сговора и коррупции.

В то же время СпН поддерживает опыт РФФИ по поддержке ком-

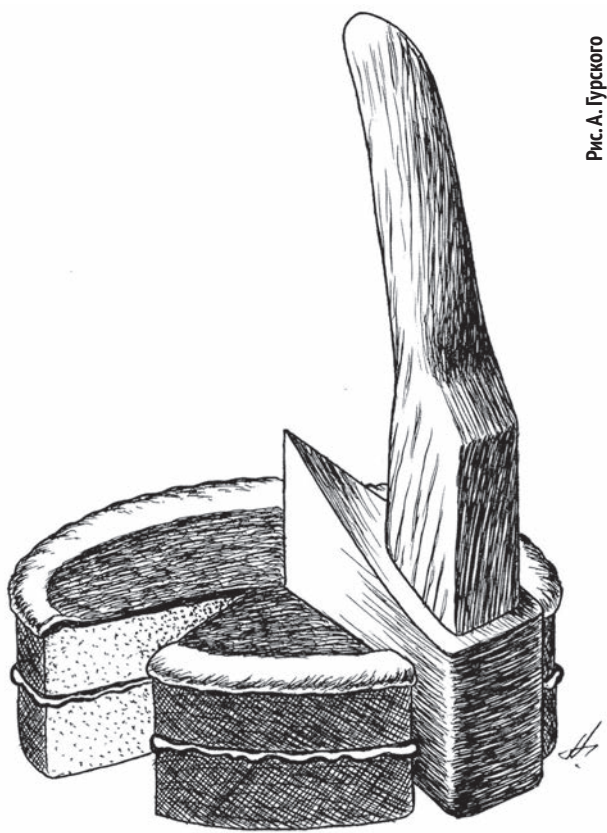

Рис. А. Гурского

сирование инициативных проектов по близкой тематике. В чем состоит «междисциплинарность» и «ориентированность» этой тематики и почему в экспертном совете РФФИ по наукам о Земле нет соответствующих специалистов, известно, видимо, лишь члену Совета РФФИ, который ее предложил.

Еще один свежий пример — тема № 615 «Фундаментальные проблемы высокопроизводительных вычислений и предсказательного моделирования, направленных на повышение эффективности нефтегазовой отрасли». Проблема высокопроизводительных вычислений, без сомнения, является фундаментальной, а задача предсказательного моделирования возникает в самых разных областях науки. Обь-

плексных инициативных проектов, осуществляемых совместно учеными из нескольких научных или образовательных организаций (конкурс КОМФИ) по достаточно широкой тематике, и считает полезным распространить этот опыт с молекулярно-клеточной биологии на другие области знания. Такие конкурсы будут способствовать преодолению межведомственной разобщенности и помогут концентрировать усилия на наиболее актуальных научных направлениях.

За свободу творчества!

Поддерживая основополагающий принцип, согласно которому «целью и предметом деятельности Фонда являются финансовая, в том числе в форме грантов юридическим и физическим лицам, и организационная поддержка фундаментальных научных исследований в области естественных, общественных и гуманитарных наук, способствующая реализации государственной научно-технической политики, распространению научных знаний в обществе и основанная на принципах предоставления ученым права свободы творчества, выбора направлений и методов проведения исследований» [3], СпН предлагает конкретизировать механизмы его реализации.

Основным типом конкурсов РФФИ должны быть инициативные проекты, как это было в первые два десятилетия работы Фонда; на их финансирование должно выделяться не менее 70% всех средств, направляемых Фондом на поддержку научных проектов, причем не менее 20% этих средств должно выделяться на поддержку общественных и гуманитарных наук; ни один грант РФФИ, в том числе комплексный, не должен превосходить средний размер инициативного гранта более чем в три раза.

Члены СпН полагают, что принятие этих поправок увеличит эффективность работы объединенного РФФИ, поскольку упорядочит и сделает логичной линейку грантов Фонда и увеличит размер среднего инициативного гранта до сколько-нибудь приемлемого уровня. Именно этими грантами поддерживается значительный процент публикаций российских ученых в изданиях, индексируемых Web of Science.

Гранты РФФИ играют роль рабочих крестьянских лошадей, на которых пахут ниву науки большинство продуктивно работающих в стране научных коллективов. Если эти лошади загнуты от недоедания, никакие трактора грантов РФФИ и даже суперновые импортные комбайны мегагрантов не восполнят потерю. Конкретные формулировки этих и других поправок к проекту устава РФФИ можно найти по ссылке [2].

1. <http://regulation.gov.ru/projects#npa=47771>
2. <http://sovet-po-nauke.ru/info/25042016-comment>
3. www.rfbr.ru/rffi/ru/charter

► организовавших недавно Центр по борьбе с лженаукой. Вместо того чтобы помочь журналистам советом и консультацией, их стали навязчиво тролить за то, что руководитель Центра телеведущая Анна Урманцева в других своих проектах допускала определенные научные ошибки.

Научная коммуникация — это деятельность в рамках широкой задачи реинтеграции культуры. Если популяризация выполняет функцию социальной рекламы науки, то коммуникация — это восстановление разрушенных мостов и строительство новых. Как это правильно делать, почти

никто не понимает — проблема реальная и глубокая, готовых рецептов ни у кого нет.

Большинство коммуникаторов действует по наитию. Иногда они находят яркие удачные решения, а иногда терпят фиаско. Сегодня научные коммуникаторы — это такие выдвигенцы-переговорщики из своих околонучных субкультур. И сейчас они мучительно ищут общий язык хотя бы между собой. Именно для этого им нужны многочисленные встречи, на которых они притираются друг к другу, апробируют свои идеи и вообще пытаются понять, что же это такое — научная коммуникация.

В общем, я вижу реальную проблему, которая постепенно и подспудно решается на таких мероприятиях. Поэтому прозвучавший призыв в духе «чего тут думать — трясти нужно» кажется мне глубоко ошибочным. Другое дело, что конкретные мероприятия порой проводятся неэффективно, без необходимой провокативности. Вот это — важная частная проблема научной коммуникации, которую нужно решать. Иначе у коммуникаторов будет создаваться впечатление, что на мероприятиях зря растрачиваются не только бюджеты, но и их собственное время.

Егор Быковский

Саша, я всегда тебя читаю заворуженно, честное слово. Но мне кажется в данном случае, что ты заблуждаешься. Междисциплинарные связи в науке, когда в них есть потребность, возникают и без посредников. Между наукой и бизнесом — тем более.

Я понимаю, что такое популяризация. Про научную коммуникацию — признаться, не очень понимаю. Что она и зачем? Наверное, если бы все не понимали значение этого слова по-разному (или вообще не понимали), было бы проще. А то мы сейчас

встречаемся на конференциях о пользе сепулек и сепуления и чувствуем некоторую фрустрацию по этому поводу. Ты говоришь о том, что есть некая важная проблема научной коммуникации (отсутствие, мол, должной провокативности наших встреч), а я бы хотел понять сначала, кто именно встречается и как понимает свою деятельность и себя в ней. И вот тогда станет понятно, нужно ли вообще встречаться — даже если без должной провокативности. ♦

Новый ректор — веха для Сколтеха

Ольга Орлова

Российские университеты попали в непростую ситуацию. Для того чтобы быть заметными на мировой карте образования и науки, необходимо играть по международным правилам. А их не так легко соблюдать в сложившейся международной обстановке. Как успешно развиваться российским университетам в условиях санкций? Об этом в программе «Гамбургский счет» на Общественном телевидении России Ольга Орлова расспросила нового ректора Сколковского института науки и технологий Александра Кулешова. Публикуем отредактированную стенограмму беседы.

— Александр Петрович, в этом году премьер-министр Дмитрий Медведев подписал указ о Вашем назначении ректором Сколтеха. По поводу этого назначения много шутили: мол, произошло оно в рамках общего направления импортозамещения. Американца Эдварда Кроули, ректора Сколтеха из MIT, заменили на проверенного человека из оборонной отрасли и директора академического института, то есть во всех отношениях благонадежного человека. Что Ваше назначение означает для такого глобального университета, как Сколтех, для его ориентации на международный рынок?

— Вообще говоря, это совершенно естественная ротация. Во-первых, Кроули давным-давно говорил, что есть определенный срок, на который было рассчитано его назначение. Поэтому здесь нет никаких неожиданностей, всё произошло абсолютно планомерно, постепенно. Мы несколько месяцев передавали полномочия. Он до сих пор остается профессором в Космическом центре. То есть ничего драматического для Сколково не произошло. Да, был один руководитель, стал другой.

— То есть это не означает никакой перемены вектора развития Сколтеха?

— Нет, абсолютно. И я могу сказать, что сама идея была совершенно правильной. Я как раньше был в этом уверен, так и сейчас. И никаких революций не будет. Это эволюционное развитие.

— Хорошо. Смотрите, за последние два года Сколтех покинул целый ряд иностранных сотрудников — как исследователей, так и администраторов. Это сразу несколько видных фигур. При этом подразумевалось, что Сколтех ищет сотрудников и преподавателей на международном рынке. Но последние два года у нас, во-первых, серьезная инфляция. Это раз. Это сказывается на зарплатах. Во-вторых, изменился имидж России на международной арене. На нас наложены санкции. И вот эти факторы — как они сказываются на кадровой политике Сколтеха?

— Да, некоторые сотрудники покинули Сколтех. Но ничего драматического не произошло. Три человека уволились, но на то были различные причины, начиная от болезни жены и заканчивая, действительно, некоторыми принципиальными вопросами. Но вообще говоря, мой собственный расчет строится в основном на возвращении диаспоры, то есть тех людей, которые 10–20 лет отработали в лучших западных университетах. В начале 1990-х годов (может быть, Вы помните) в ходу был такой анекдот, не наш, американский: «Что такое американский университет? Это то место, где русские профессора учат китайцев и индусов». И в каком-то смысле это действительно так и было. Сейчас это уже совсем не так. Тем не менее очень значительная российская диаспора за рубежом существует. И я вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы опереться именно на эту диаспору. Со всех точек зрения это гораздо более эффективно.

— Как Вы мотивируете людей поехать преподавать в Сколтех? Какие у Вас аргументы? Как Вы их убеждаете — почему нужно работать в Сколтехе?

— Никакой общей мотивации никогда не бывает. Все люди устроены по-разному, у всех разные обстоятельства. Я это прекрасно знаю, поскольку я этим занимаюсь очень давно, я в Институт проблем передачи информации РАН возвращал людей 10 лет. Например, есть такая на первый взгляд мелочь. Если дети пошли в школу и три года уже проучились, то с человеком бесполезно говорить. Он уже не может перевезти детей сюда. Они всё еще говорят на русском, но уже плохо пишут. Это гигантская проблема. Либо ты должен разговаривать с тем, у кого нет детей или чьи дети еще не пошли в школу, либо уже с тем, у которо-

го дети разлетелись. Это просто жизненные обстоятельства.

— Это Ваш кадровый опыт?

— Конечно. Я просто твердо знаю, с кем можно разговаривать, за какие струнки надо дергать. Да, это действительно большой кадровый опыт, это правда. Например, сейчас у нас возглавил новый Центр перспективных исследований профессор Игорь Кричевер, который был деканом математического факультета Колумбийского университета. Этот человек действительно звезда в мире математической физики. У него есть свои собственные соображения, которые я просто знал. Соображения, может быть, чудные, но реально существующие. Он говорит: мне нужно отучить своих внуков в 57-й школе, потому что такой школы в Америке нет. Конечно, университеты замечательные, а таких школ, которые еще остались в Москве, в Америке нет. <...>

— То есть Вы практикуете точечный подход?

— У меня своего рода сеть по всему миру: все знают обо всех.

— Хорошо. А если все-таки говорить про деньги, то ситуация сейчас в научных организациях сложная. У многих научных организаций бюджеты сократили сначала один раз на 10% в прошлом году, теперь в этом году снова на 10%. Это очень существенно. Что происходит с деньгами в Сколтехе и в связи с этим, соответственно, какие вы зарплаты предлагаете в среднем по рынку?

— Вы знаете, многие годы сотрудники «Роллс-Ройса» в графе «мощность» писали: «Достаточная». Я отвечу ровно так: достаточно. Наше руководство сделало всё, чтобы я на этот вопрос мог ответить просто «достаточно». Конечно, наша наука фантастически недофинансирована по сравнению не только с западной — по сравнению почти с любой зарубежной наукой. Это абсолютная правда. Но со Сколтехом для меня главный вызов состоит в том, чтобы показать, что вкладывать в науку выгодно. Обама в свое время объявил, что на каждый вложенный доллар в программу генома в американскую экономику пришло 140 долларов. (Каким это образом подсчитано, я не знаю.) Понимаете, задача Сколково — доказать, что подобное возможно и в России. А проблема в том, что если этого не произойдет, если это всё не дай бог кончится очередной липой, то следующие 30 лет это будет выжженная земля, потому что все будут вспоминать: а, да это же уже было — всё, никогда больше.

— Александр Петрович, а как это можно показать, если у нас Сколтех — это уникальный эксперимент? Все-таки в такой ситуации и организационной, и финансовой, и даже психологической, пожалуй, сейчас находится только Сколтех. Раньше, где-то еще 5–6 лет назад, у нас было два универ-

ситета — РЭШ и ВШЭ, которые могли себе позволить нанимать преподавателей и профессоров на мировом рынке по мировым стандартам и по мировым зарплатам и ценам. Потом появился Сколтех, и он тоже смог это себе позволить. Но все-таки у Сколтеха совершенно особое устройство, судьба и управление.

— Поймите, я работал в Физтехе и в Высшей школе экономики. Я хорошо понимаю общую ситуацию в университетах и Москвы, и России в целом. И я могу сказать: мнение, что у нас профессорско-преподавательский корпус совершенно себя изжил, что он дегенерировал полностью и не способен ни на что, — абсолютная неправда. Да, в Сколтехе сейчас собран действительно уникальный междисциплинарный небольшой коллектив — всего около 150 человек. По своей квалификации, по междисциплинарности он действительно уникален для России. Это правда. Я прекрасно знаю, что есть великолепные профессора и в МГУ, и в МФТИ, и так далее. <...> Собрать такого рода коллективы очень трудно. А у нас они собрались с самого начала. <...>

— Вы назвали одним из очень серьезных конкурентных преимуществ Сколтеха мультидисциплинарность: сильные исследователи могут решать комплексные сложные задачи. Какие Вы еще видите сильные стороны Сколтеха? В чем его уникальные конкурентные преимущества на образовательном рынке?

— Как ни странно, это английский язык. В Сколково официальным языком является английский. Вся внутренняя переписка идет на английском. Лекции читаются на английском. Семинары ведутся на английском. Это крайне важно. Знаете, в чем проблема? У нас есть задача, поставленная указом президента, — о повышении уровня публикационной активности. Но у нас огромное количество людей просто не умеют писать статьи на английском. И вы знаете: можно нанять любого самого лучшего переводчика, но он тебе профессиональную статью не переведет. Она сразу пойдет в корзину. Надо повышать публикационную активность. Но за счет чего? Например, в старых институтах, таких как Институт проблем передачи информации, мне наиболее близкий, — да, там старые учат молодых и всё естественным образом идет. Нет переводчиков. Все пишут по-английски сами. Идет изустное обучение. <...> Ученые должны путешествовать, устанавливать свои собственные связи, искать возможности. Никакой Интернет не заменит личного общения. Никакое чтение статей не заменит погружения и совместную работу с коллегами в других странах. Это абсолютно необходимая компонента любой научной работы сегодня.

— Александр Петрович, несколько лет назад высказывались весьма скептические мнения в связи со Сколтехом из-за того, что не было полноценных лабораторий. Их ведь в чистом поле даже за год не создашь. Какая сейчас ситуация с лабораторной базой в Сколтехе?

— Первоклассная. Просто первоклассная. Сегодняшняя лабораторная база в Сколтехе просто первоклассная.

— По каким направлениям?

— Фотоника, материалы, робототехника — всего не перечислишь. Сегодня в Сколтехе абсолютно первоклассное научное оборудование. Я знаю ведущие университеты мира не понаслышке, а я многое видел. Я прекрасно знаю и MIT, и Стэнфорд, и USC, и французские университеты, и немецкие университеты. Поверьте мне, у нас сегодня первоклассная лабораторная база. У нас сейчас проблема в другом. Мы страдаем от недостатка площади. Мы сейчас снимаем помещения на территории «Реновы». А что значит снимать? Через год будет кампус. Сняли уже 1,5 тыс. кв. м, чтобы поставить там нефтехимическое сложное оборудование.

— И студенты, и аспиранты имеют к нему доступ и могут уже работать, участвовать в экспериментах?

— Конечно. У нас есть студенческая мастерская. Я участков прототипирования видел и в России, и на Западе миллион. Но когда я первый раз по мастерской Сколтеха прошел, то даже спросил экскурсовода: «Потрясающе сделано. Я вообще никогда не видел, чтоб было так удобно. Кто это делал?» Оказалось, это MITшный проект. Тут надо сказать им спасибо. Там действительно всё, что нужно для прототипирования. И он работает 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Там сидит американец Брентон, молодой парень, дико увлеченный всем этим. Постоянно там толпятся студенты, аспиранты, чертова туча людей с горящими глазами. Очень приятная обстановка.

— Что бы Вы сказали потенциальным абитуриентам или студентам, которые поступают в магистратуру или в аспирантуру, как бы Вы их мотивировали: почему им нужно выбирать Сколтех?

— Проблема в том, что молодежь Москвы и Питера в очень существенной степени потеряла интерес к науке по многим причинам. И сейчас основной поток научных технологических лидеров идет из провинции. Это не старые времена. Но тем, кто увлечен наукой, я бы сказал: «ИДИТЕ К НАМ! У НАС ЕСТЬ ВСЕ, КТО ВАС НАУЧИТ, И У НАС ЕСТЬ ВСЁ, ЧТОБЫ ВАМ НАУЧИТЬСЯ».

— Хорошо. Но если Вы говорите об иностранных студентах, почему они должны выбирать Сколтех? Зачем им сюда ехать к вам?

— Нужно посмотреть на статус университета объективно, а это очень нетрудно. А именно: берется список

профессоров, их CV-список и списки их публикаций (это всё есть на сайте Сколтеха) — и становится ясно, что это действительно первоклассные профессорско-преподавательские кадры. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу. Это легко увидеть, просто зайдя на сайт. Ты получаешь заведомо хорошее образование. Второе. Лабораторное оборудование. Плюс к этому с тебя еще и денег не берут.

— Зачем же вы учите иностранцев бесплатно?

— Когда в советское время был Университет дружбы народов, когда учили будущих лидеров национально-освободительных движений — там всё понятно. Мы формировали некую интеллигентную прослойку, которая могла нас поддерживать. А зачем сейчас? Вроде бы совершенно бессмысленная история. Нет, не бессмысленная. Объясняю. Потому что люди должны приучиться к международной культуре. У нас есть студенты из Европы, из Канады, из Америки, других стран. Да, их немного. Но в целом 20% иностранных студентов. Я не думаю, что это вечная история. Сколтех должен стать брендом. Тогда мы сами будем брать за это деньги. Но, понимаете, эта история с деньгами и университетами, вообще говоря, у нас очень неправильно излагается. Сколько стоит год обучения, например, в MIT, скажем, на инженерном факультете?

— 40–50 тысяч долларов примерно.

— Около того. Да. У юристов и врачей это подороже, а инженерная школа стоит примерно столько.

— И Вы думаете, большой процент людей, которые платят сами за учебу в MIT?

— Ничтожный. Все что-то платят, но, как правило, очень немного. В среднем стипендиальные фонды, внутренние структуры MIT оплачивают процентов 90. Западные университеты живут на эндаументах. Это сказки, что они живут на деньги студентов. Это не так. <...>

— Вы надеетесь, что Сколтех тоже будет развиваться по модели эндаумента?

— Я бы хотел.

— Как бы Вы определили стратегические направления развития Сколтеха? Скажем <...> через 10–15 лет?

— Во-первых, я считаю, что Сколтех так и должен оставаться маленьким университетом. Вот у него есть KPI: 1,2 тыс. студентов и 200 профессоров. Я думаю, что это тот максимум, на который мы, может быть, выйдем через несколько лет и через который ни в коем случае не надо переходить. Но университет должен быть элитным. Наша главная миссия — воспитать научную и инженерную элиту для нашей страны. Элиты не может быть много по определению. Наша задача — воспитать элиту. Как в свое время образовывался Физтех? Было несколько умных людей, которые объяснили Сталину, что нужно воспитать инженерную, физическую, математическую элиту этой страны. И ровно таким же должен сейчас быть и Сколтех. Это совершенно не мешает другим университетам, — Вы поймите, мы ни в коем случае не конкуренты ни Физтеху, ни МГУ. Господи, чем больше, тем лучше.

— В таком случае как складываются отношения Сколтеха с властью? Нынешняя власть понимает то, что надо воспитать элиту?

— Мне кажется, что понимает. Я не власть. Я довольно далек от этого.

— Вы как раз с другой стороны.

— По моему ощущению, они там всё понимают. Но без эксперимента, подобного Сколтеху, мы никогда не сумеем добиться реально ощутимого результата. Мы должны доказать, что наука нужна стране не как атрибут цивилизованного общества, а как объект для вложения денег налогоплательщиков, как один из столпов государства. Нам дали такую возможность, и мы должны ее использовать.

Полностью интервью см. на сайте Trb-Наука.

Александр Петрович Кулешов — специалист в области информационных технологий и математического моделирования. С 2006 по 2015 год руководил Институтом проблем передачи информации им. Харкевича РАН и возглавлял кафедры в МФТИ и Высшей школе экономики. В 2011 году избран академиком Российской академии наук. В 2013 году стал одним из инициаторов создания Комиссии общественного контроля за реформой науки. В 2016 году возглавил Сколковский институт науки и технологий в качестве ректора.

Всё больше университетов преподают in English

В настоящее время почти 8000 курсов в ведущих университетах неанглоговорящих стран преподаются по-английски. Рост числа университетов, предлагающих высшее образование на английском вместо локального языка, уже стал заметным глобальным явлением. Оно вызвано как желанием университетов привлечь дополнительных студентов из 5 млн студентов-иностранцев по всему миру, так и выбором местных студентов, которые всё больше предпочитают своему родному языку преподавание по-английски, особенно на уровне магистерских программ, в ожидании повышенных карьерных перспектив в будущем.

Такие данные содержатся в отчете голландской исследовательской организации StudyPortals, которая создала базу данных на 100 тыс. бакалаврских и магистерских программ в 2100 университетах по всему миру. В более чем 75% университетов, входящих в первую тысячу международных рейтингов, по крайней мере один или несколько курсов предлагается на английском языке. Сюда включены, конечно, и университеты англоговорящих стран с их 72 тыс. различных лекционных курсов.

Среди стран континентальной Европы больше всего программ, преподаваемых целиком по-английски, предлагается в Нидерландах: в 12 университетах страны можно выбрать более 1000 таких курсов. В 54 университетах Германии, включенных в международные рейтинги, предлагается 835 англоязычных курсов. В Швеции — 12 университетов с 550 курсами по-английски, в Дании — 7 университетов с 482 такими курсами, для Испании соответствуют цифры — 27 и 426.

Всего в европейских неанглоговорящих странах количество таких курсов за последние семь лет увеличилось в 4 раза. Сейчас уже доля степеней бакалавра и магистра, получаемых в англоязычных программах, достигает 38% в Дании, 30% — в Нидерландах, 24% — в Швеции и 23% — в Финляндии. Для Германии этот показатель пока составляет всего 6%, для Франции и Италии — около 3%, а в Турции — примерно 2%. Причем до 5% таких курсов в этих странах посещается только студентами-неиностранцами. В странах Балтии и Юго-Восточной Европы тоже наблюдается подобная тенденция.

И это не только европейский тренд: из 112 лучших университетов Китая, включенных в рейтинги, 45 предлагают хотя бы один или несколько курсов обучения по-английски, еще 20 таких университетов находятся на Тайване, 11 — в Японии и 6 — в Таиланде.

Согласно прогнозам, число иностранных студентов в мире может достичь 8 млн к 2025 году. В настоящее время их большинство представляют студенты из Китая, Индии и Южной Кореи, но количество студентов из Нигерии тоже быстро растет. Сейчас подавляющее большинство иностранных студентов привлекают англоговорящие страны, а также Германия и Франция, однако их «доля рынка» будет постоянно уменьшаться по мере роста конкуренции со стороны других стран, включая Китай.

А. К. по материалам www.bbc.com/news/

Отражают ли международные дисциплинарные рейтинги реальную картину?

Сбыстрым ростом и развитием глобальной системы научных исследований взаимосвязи между разными академическими дисциплинами становятся всё более сложными. Множатся возможности меж- и мультидисциплинарных исследований. Это отражается, в том числе, в меняющихся паттернах литературных ссылок, выявляющих тренды распространения новых знаний. Отмечается, что если научное исследование, опубликованное в 2000 году, было процитировано в публикациях по 3,6 разным дисциплинам, то к 2010 году это число достигло уже 4,3.

По мере того как новые научные результаты находят применение во всё расширяющемся круге разных дисциплин, становится всё более актуальным вопрос: насколько адекватно это разнообразие может быть отражено в традиционных университетских рейтингах, где каждая дисциплина оценивается отдельно?

Аналогичный тренд наблюдается и при рассмотрении аффилиаций авторов статей. Между 2009 и 2015 годами доля научных публикаций авторов с двумя или более аффилиациями увеличилась с 24% до 33%. В то же время значительную долю таких авторов составляют исследователи-медики, которые имеют еще и дополнительную аффилиацию в какой-либо клинике вне собственно академической системы.

А. К. по материалам www.universityworldnews.com

Япония нацелилась на иностранных студентов

По состоянию на май 2014 года в Японии обучалось около 180 тыс. иностранных студентов, что на 9% выше, чем годом ранее. Теперь японское Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии поставило задачу к 2020 году увеличить число иностранных студентов в стране еще на 50%, до 300 тыс. с нынешних примерно 200 тыс. Основной упор делается на студентов из стран АСЕАН, поскольку регион Юго-Восточной Азии становится всё более важным рынком для японских компаний, по мере того как входящие в него страны ускоряют свое развитие и богатеют.

Число студентов из этих стран в Японии более чем удвоилось за последние 5 лет (с 15 тыс. до 39 тыс.) и продолжает расти особенно быстро. Китайцы составляют большинство иностранных студентов в Японии, но число студентов из Вьетнама выросло за год почти вдвое, из Таиланда и Индонезии — на 13–14%, из Бирмы, Филиппин и Сингапура — на 21%, 12% и 22% соответственно.

А. К. по материалам The Japan Times

Архитектор Александр Веснин

Ревекка Фрумкина

Братья Веснины — Леонид Александрович (1880–1933), Виктор Александрович (1882–1950) и Александр Александрович (1883–1959) — были погодками. Они родились в г. Юрьевец в обеспеченной семье, что позволило получить фундаментальное профессиональное образование в избранной ими области строительства и архитектуры.

Портрет А. А. Веснина

С точки зрения умений братья, выражаясь сегодняшним языком, были универсалами: они умели строить всё — от Днепрогэса до дворцов культуры.

Все трое активно преподавали, были любимыми учениками, писали мало, зато много рисовали.

Александр Веснин и вовсе был профессиональным художником, притом еще в 1910-е годы составил себе серьезное имя — прежде всего как художник театральный, соратник А. Таирова, А. Экстер и Л. Поповой.

Нередко говорят, что Александр Веснин пришел в архитектуру «через театр». Однако до собственно театральных работ он участвовал, например, в создании особняка Сироткина в Нижнем Новгороде (1913), причем не только как архитектор, но именно как художник (декоративные росписи). И это далеко не всё.

Свой художественный дар Александр Александрович осознал рано; он занимался живописью и рисунком в Школе К. Ф. Юона и И. О. Дудина (с 1907 года), а также в студии Я. Ф. Ционглинского (с 1909-го). В 1912–1914 годах А. Веснин работал в мастерской В. Е. Татлина; сблизился с Л. Поповой, Н. Удальцовой и другими представителями русского художественного авангарда.

К середине 1920-х годов Веснину-художнику «было что показать»: он участвовал в Первой выставке картин Профессионального союза художников (1918), выставках «Беспредметное творчество и супрематизм» (1919), «5 x 5 = 25», объединения «Мир ис-

кусства» (обе — в 1921 году) в Москве; в XIV Международной выставке искусств в Венеции (1924), в Международной выставке художественно-декоративных искусств в Париже (1925).

По-настоящему А. Веснин прославился художественным решением спектаклей Александра Таирова в Камерном театре. Как театральный художник Веснин работал с 1919 года, но именно постановки в Камерном театре — «Федра» Расина (1922) и «Человек, который был Четвергом» Г.-К. Честертона (1923) стали этапными и принесли ему настоящую славу.

Режиссерские принципы Таирова были близки архитектурно ориентированному мышлению Веснина. Александр Таиров понимал сценическое пространство не как воплощение живописной декорации, а искал организованный художником вариант трехмерного пространства, который позволил бы реализовать действие одновременно на нескольких горизонтальных сценических площадках.

С 1921 года А. Веснин был профессором живописи и рисунка во Вхуте-

вом Ар-бате, называемые в народе «книжками».)

Писать А. Веснин не любил, а говорил он ясно. Прочитую запись некоторых его публичных высказываний:

О синтезе искусств: «Синтез искусств мы считаем могучим средством создания полноценного архитектурного произведения. <...> Мы, однако, против декорирования архитектуры архитектурой. Скульптура и живопись, примененные в архитектуре, никого не обманывают. Архитектурная же декорация всегда выступает с претензией на реальную функциональную или конструктивную роль, и, если она этой роли в действительности не играет, она оказывается внутренне фальшивой».

О фойе во Дворце культуры автозавода им. Лихачёва: «Нам хотелось, чтобы в этом фойе дышалось полной грудью, легко и свободно. Мы пытались достигнуть этого несколькими средствами. Во-первых, мы открыли с бо-

Рис. 2. Фойе во Дворце культуры завода им. Лихачёва

Рис. 3. Библиотечное крыло во Дворце культуры завода им. Лихачёва

массе. В эти же годы он активно работал в ИНХУКе (Институт художественной культуры) и в архитектурной группе ЛЕФ, где и сформировалась его концепция архитектурного конструктивизма.

В 1923–1925 годах вокруг Александра Александровича сплотилась группа творческих единомышленников — в основном из числа студентов архитектурного факультета Вхутемаса, где он возглавлял архитектурную мастерскую. И вот тут — с моей точки зрения — начинается самое интересное.

В уникальном труде Селима Хан-Магомедова «Архитектура советского авангарда» (М., 1996) приведены иллюстрации к студенческим проектам «птенцов гнезда» Веснина — и там мы видим многое из того, что потом осуществилось в материале, но уже совсем другими поколениями архитекторов — и «всего-то» через 40–50 лет! (Самое прямое сходство — это дома на Но-

ков лестницы на верхний этаж, вместо того чтобы отгораживать их от фойе стенами лестничных клеток. Пространство фойе раздвинулось: самые лестницы приобрели необычайно открытый характер, стали как бы омываться пространством окружающего их просторного помещения. Они подчеркнули значение верхнего пояса фойе, создали перетекание пространства снизу вверх и сверху вниз. Во-вторых, мы открыли в фойе кулуары расположенных друг над другом ярусов. Пространство фойе, переходящее, таким образом, в глубину театральных интерьеров, стало двухэтажным и по контрасту с более низкими кулуарами — высоким и просторным».

В точности этого описания читатель может убедиться (рис. 2). А для понимания масштабов личности и творчества Александра Веснина отсылаю читателя к упомянутому труду С. О. Хан-Магомедова. ♦

Рис. 1. Композиция

«Планета Шелезяка: воды нет, полезных ископаемых нет, населена роботами...» Плохо же на Марс, но совпадает только пункт с роботами, остальное там есть, хоть и не так много, как на Земле.

Что о Марсе достаточно хорошо известно? Четвертая планета от Солнца. Меньше Земли, больше Меркурия. Вулкан Олимп — самая большая в Солнечной системе гора, она же — самый большой вулкан. Долина Маринера — самый большой в Солнечной системе каньон, который в сотни раз превышает самый большой каньон на Земле. Глобальные пылевые бури. Разреженная углекислотная атмосфера. Рыжий цвет, обусловленный оксидами железа, покрывающими поверхность. Думаю, это тот минимум, который знает или должно знать о соседней планете подавляющее большинство обитателей планеты Земля.

Однако изучение Марса продолжается, новые факты и открытия обнаруживаются регулярно практически на каждой планетологической научной конференции. Попробуем обновить наши знания, добавив им свежести и полноты.

Начнем с атмосферы. Несмотря на ее разреженность, атмосфера — это самая «живая» часть Марса, в которой происходит множество интересных процессов. Плотность атмосферы Марса составляет в среднем 1/125-ю часть от плотности атмосферы Земли. При этом ее толщина немногим уступает толщине атмосферы Земли — это происходит из-за меньшей силы притяжения. Поэтому исследовательские спутники Земли вынуждены летать на высотах больше 250 км, чтобы атмосфера не оказывала существенного влияния на орбиту.

Глобальные марсианские пылевые бури нерегулярны и происходят примерно раз в 6 земных лет. В то же время каждый марсианский год атмосфера переживает масштабные процессы испарения углекислотной полярной шапки в летнем полушарии и намерзания такой же шапки на зимнем полюсе планеты. В такой перекачке участвует до четверти всей массы атмосферы. Такая динамика порождает локальные бури, которые часты у полюсов, но довольно редко добираются до экватора. К примеру, марсоход Curiosity, работающий в 5 градусах южнее экватора, лишь однажды на два дня оказался в пыли, ограничившей видимость десятью километрами. В другое время видимость поддерживается до 40 км, а в отдельные спокойные зимние недели можно рассмотреть вершины гор на расстоянии 80 км.

Практически в любое время года в атмосфере Марса висит рыжая пыль, хотя в зависимости от времени года ее концентрация меняется. Самые «пыльные» времена — осень и весна, когда происходит перекачка атмосферы от одного полюса к другому. В это время цвет неба оранжево-бежевый вплоть до коричневого во время бурь. В спокойные месяцы пыль оседает, зенит чернеет, и бежевый цвет неба спускается к горизонту. В такое время возможно наблюдение голубоватых оттенков неба, когда солнце приближается к горизонту и атмосферные газы успевают немного рассеять голубую составляющую солнечного спектра.

Кроме масштабных пылевых бурь, покрывающих всю планету или существенные ее части, на Марсе можно наблюдать деятельность малых вихрей, которые американские ученые называют Dust Devil. Чаще всего они выглядят как пыльный хобот, поднимающийся на высоту от нескольких метров до нескольких сот метров. Dust Devil могут быть и невидимками. Например, датчики атмосферного давления Curiosity неоднократно регистрировали прохождение маленького вихря по аппарату, в то же время камеры не смог-

Что мы знаем о Марсе?

Виталий Егоров,

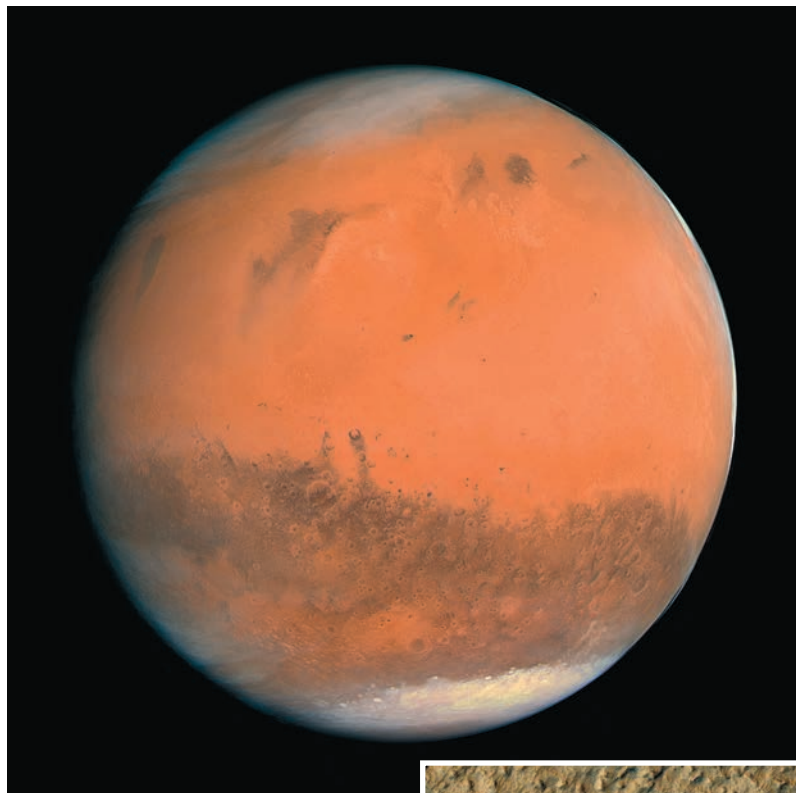
сотрудник российской частной космической компании «Даурия», популяризатор космонавтики, автор блога zelenyikot.livejournal.com

ли ни разу снять такой вихрь, хотя попытки предпринимаются регулярно. Зато Opportunity периодически удается увидеть мелкие вихри, которые заодно помогают чистить его солнечные батареи от пыли.

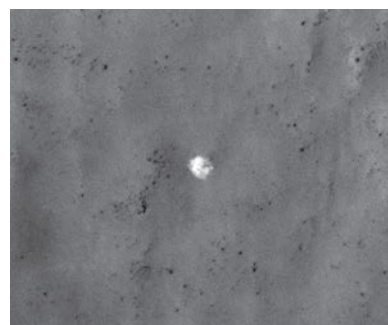
Из-за частых пылевых бурь у кого-то может сформироваться впечатление, что Марс просто под завязку завален пылью, из-за чего невозможно

поверхности, подвергающиеся эрозии, голые. В одном из таких мест как раз и работает Curiosity.

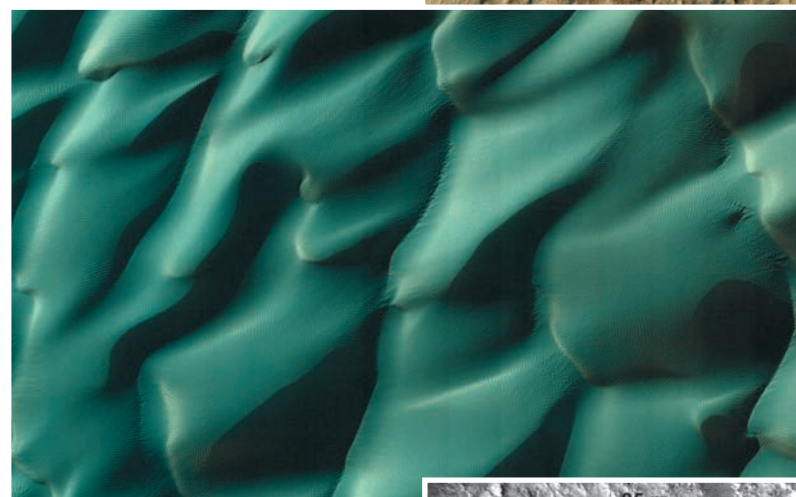
Хорошим аргументом в пользу низкой интенсивности отложения продуктов выветривания может служить пример парашютов посадочных модулей автоматических космических станций прошлого века. В 2012 году удалось обнаружить парашют «Мар-

Марс. Фото Rosetta. Фото ESA

Парашют «Марса-3». Фото MRO NASA

Марсианские дюны. Фото MRO NASA

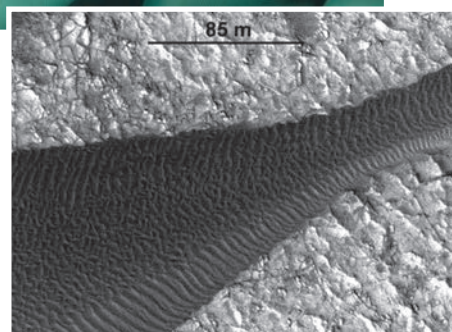
изучение его геологии in situ — непосредственно на месте. Семисантиметровый бур последнего марсохода у многих вызывает удивление своей короткой длиной. Пыль, конечно, покрывает на Марсе всё пространство, куда может дотянуться ветер, но толщина пылевого слоя подчас не превышает долей миллиметра. Процесс атмосферной эрозии на Марсе еще продолжается, он способствует увеличению объемов пыли, но участки

Пылевой вихрь. Фото MRO NASA

Еще одним интересным объектом для изучения являются полярные ледяные шапки. Полярные ледники — это, пожалуй, первые объекты на поверхности Марса, которые были определены людьми. Когда астрономы увидели сходство полюсов Земли и Марса, а затем различили темные пятна на рыжих боках планеты, то Марс показался полной копией Земли, и идея о местных жителях была вполне логична.

Поначалу полярные шапки считались водяными, и их ежегодная переменчивость породила гипотезы о регулярных наводнениях тапой воды, которые наложился на ошибочные наблюдения марсианских «каналов». Однако уже в середине XX века удалось установить, что основную площадь зимних полюсов закрывает углекислотный лед, а вода остается в небольших по площади летних поляр-

Движущиеся дюны в кратере Гейла. Фото MRO NASA

ных шапках. Благодаря радару MarsIS спутника Mars Express удалось установить мощность полярных водяных отложений: на севере — 1,7 км, на юге — до 3 км. Если взять полярные льды и растопить, то получится целиком залить водой высотой 21 м идеально гладкую планету размером с Марс. Соответственно, если растопить вот эти запасы, то на маленький океаник или несколько небольших морей Марса нам хватит.

Исследования поверхности Марса указывают, что ранее воды было больше. На планете наблюдаются пустые речные русла, речные дельты, остатки озер, и есть даже некоторые признаки бывшего океана, занимавшего от четверти до трети всей планеты. Вопрос, куда подевались обширные запасы марсианской воды, пока не имеет точного ответа, но есть две гипотезы: первая — вода ушла в грунт, связалась с минералами и сформировала грунтовые ледники; вторая — вода диссипировала в космос. Хотя всё больше аргументов склоняет ко второй гипотезе, вода на Марсе находится не только на полюсах и в приполярье. Подповерхностные ледники определяются в северном полушарии до 40-х параллелей к экватору — для Земли это широта Сочи. Имеются залежи льда к востоку от долины Эллада, и даже у экватора, содержание воды составляет от 5% до 10% в грунте.

Всё это время мы говорили о воде в твердой фазе или в связанном агрегатном состоянии. Атмосферное давление Марса не способствует поддержанию воды в жидкой фазе: даже в низменных регионах с самым высоким давлением вода выкипает уже при +10 °C, а учитывая сезонные колебания плотности атмосферы, а также температуру свыше +10 °C в летние дни, длительное сохранение воды на поверхности практически исключается. Но недавние исследования гиперспектрометра CRISM и камеры HiRise добавили аргументов гипотезе, что в грунте Марса возможно поддержание воды в жидком состоянии при минусовой температуре в форме рассолов с солями хлорной кислоты.

До недавнего времени ученые не могли дать утвердительный ответ на вопрос о наличии органических соединений на Марсе. Первые данные появились при наземных наблюдениях, когда определили присутствие метана в атмосфере Марса. Для поиска органики на Красную планету отправился марсоход Curiosity. Первые его данные в конце 2012 года оказались обнадеживающими, но потом выяснилось, что произошла ошибка и марсоход «обнаружил» органику, которую сам же с собой и привез — повредила емкость с растворителем для «мокрого» анализа грунта. Через год, когда аппарат накопил статистику исследования разных типов грунтов, удалось сказать более уверенно — органика есть. Нашлись хлорбензолы. Еще через год удалось подтвердить и появление метана в атмосфере, хотя о процессах, вызывающих выделение этого газа, пока нет однозначного мнения.

Следует учитывать, что найденные органические соединения не являются прямым подтверждением наличия в прошлом Марса биологической активности. Органические соединения известны на Меркурии, на кометах, астероидах, спутниках планет-гигантов, в атмосфере самих планет-гигантов и в других местах близкой и далекой Вселенной. Определить биомаркеры в органических соединениях Марса сможет миссия марсохода ExoMars, запуск которой планируется на 2020 год.

Важная находка с точки зрения возможной прошлой или будущей жизни — нитраты в некоторых геологических слоях в кратере Гейла. Для Земли нитраты считаются удобрением и используются по назначению. Для Марса найденные нитраты означают, что в прошлом были

Семён Шлосман: «Замечательная статья» значит только то, что она содержит замечательный результат

Михаил Гельфанд

(Окончание. Начало в ТрВ-Наука № 10)

— У меня была теория, что все хорошие математики слушают хорошую музыку. Она постепенно рассосалась — оказалось, что не все. Тем не менее похоже, что все-таки какая-то корреляция есть. Это верно или это абберация моего непосредственно окружения?

— Знаю многих математиков, кто слушает музыку. Мысль, что эти две активности находятся в каком-то родстве, меня не смущает. Я внутренне это принимаю.

Я слушаю много музыки. Но знаю, есть математики, которые занимаются под музыку, и это я совершенно понять не могу. Не могу представить, что можно слушать серьезную музыку, занимаясь математикой. Я так не могу.

— Какую музыку Вы слушаете?

— Я очень неоригинален, слушаю в основном Баха. Я бы еще кого-нибудь слушал, но жизнь коротка. Время ограничено, поэтому, если чем-то заниматься, нужно выбирать самое хорошее. Если читать книжки и слушать музыку, то самые хорошие. В моем случае это Бах.

— Не Телеман и не Моцарт?

— Я много кого люблю, но — это, конечно, грубо, но на первом месте все-таки Бах.

— А кроме Баха?

— Немаленький список, могу ошибиться в порядке: Вагнер, Брукнер, Шуберт, Шопен, Шуман.

— XIX век не вываливается?

— Нет. Прокофьев, Шостакович...

— Стравинский?

— Его знаю меньше... Композиторы до Баха: Фробергер, Букстехуде. Но я их тоже хуже знаю. И Моцарт, и Гайдн, конечно...

— Шнитке?

— Шнитке когда-то любил, но теперь чувствую, что он весь умещается в Шостаковиче. Мне кажется — полагая, что музыку будут слушать еще века, — наше время будут больше помнить по Шостаковичу. Шнитке яркий, но не такой глубокий. Хотя я его много слушал. С Сергеем Израилевичем (Гельфандом. — Прим. ред.) мы были в Консерватории на первом исполнении его квинтета в Москве. Я был совершенно потрясен. На этом концерте я понял возможности музыки: какие бывают музыкальные звуки, как они могут действовать — гораздо шире, чем я предполагал до того.

Я перечислил композиторов. Но у меня есть и второй принцип: есть исполнители, у которых надо слушать всё, что они играют.

— Кто, кроме Гульда?

— Григорий Соколов, на сегодняшний день, по моему глубокому убеждению, величайший исполнитель. Рихтер: я слушал множество его записей и видел его на сцене двадцать или тридцать раз. Квартет Бородина в старом составе. Ничего не могу поделать, очень нравится, как дирижирует Гергиев. Когда играет Наталья Гутман, я бы пошел слушать независимо от того, что она решила исполнять. Аббадо был замечательный дирижер. Никогда не был на его концертах, но записей слышал много.

— Вы не помните Юрия Николаевского? Был такой камерный дирижер.

— Помню-помню. Как-то раз я лежал в больнице, а он исполнял вместе с Рихтером Баха. Я сбежал из больницы на этот концерт.

— Очень жалко, что он был сильно недооценен.

— Косвенно эту оценку подтверждает тот факт, что Рихтер с ним играл. Я мало его слушал. Это был какой-то учебный оркестр, не так ли?

— Да, он преподавал в Консерватории.

— Вообще, музыке я учился в детстве. Но серьезная любовь к ней у меня возникла, только когда я уже учился на математическом факультете, потому что там ее легко было развить дальше: довольно много людей это увлечение разделяли и других приглашали в нем участвовать. Помню, как мы из МГУ ехали в восьмером на скорой помощи на концерт Баршая. Была мода — ходить на концерты Баршая. Очень хорошая мода, всем советую. Кроме него, музыке Баха негде было услышать. Тогда я и познакомился с ним и на всю жизнь полюбил. До сих пор к Баху возвращаюсь и слушаю в разных исполнениях. В частности, в исполнении Соколова. Его я ставлю выше всех исполнителей, которых слушаю. Наравне с Рихтером.

— Что существеннее: композитор, конкретное произведение или конкретный исполнитель? Если, например, выбирать из концертов, идущих в один день?

— Есть яркий пример. Я собирался на концерт Соколова, а он заболел, и вместо него играл другой пианист, Луганский. Я подумал: «Ну ничего, зато он играет Шуберта, которого я очень люблю». И было потрясающе скучно — даже не ожидал, что так может быть.

Семён Шлосман и Михаил Гельфанд. Фото И. Жилина

Это отчасти ответ на Ваш вопрос. Луганскому, видимо, интересны сочинения, где он может продемонстрировать свою виртуозность. А я Шуберта начал любить после того, как услышал, как Соколов его играет. И решил, что буду слушать всё, что играет Соколов. Когда я послушал в его исполнении сонаты Шуберта, для меня открылся новый мир. Широким слоям человечества этот мир, конечно, хорошо известен, только я был игнорант в этом отношении.

— Мне кажется, что Шуберт — композитор гениальный, но при этом плохой в смысле композиторской техники. У него есть отдельные чудесные места, но он не умеет их связать в целое.

— Категорически не согласен. У меня он довольно высоко стоит, недалеко от Баха.

— Интересно. Потому что как раз Бах очень цельный, даже какие-то относительно проходные вещи, например кантаты, бывают очень неровные, но при этом все очень хорошо сделаны. А у Шуберта, наоборот, даже самые гениальные вещи...

— В этом направлении невозможно спорить, потому что нет предмета спора. Могу посоветовать послушать последние его фортепианные сонаты, но Вы, наверное, и так их знаете.

— Я Шуберта очень избирательно не знаю.

— Эти сонаты — «божественная медленность», как Рихтер говорил, он их любил. А Рихтер играл не всё, только то, что ему нравилось. Например, на него обижался Шостакович. «Почему, — говорил он, — Вы не играете мои прелюдии и фуги?» А Рихтер отвечал: «А они не все мне нравятся. Те, которые мне нравятся, я играю». А может, он не ему лично говорил, а интервьюеру, как я Вам сейчас. А Шуберта сонаты он играл. Последние все играл. В Шуберте есть достижение: кто медленней сыграет, тот лучше — такая потрясающая штука.

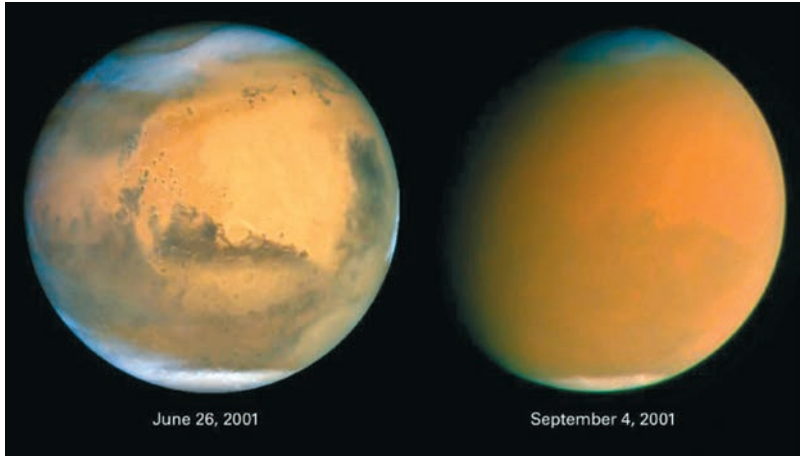
— Понятно, почему Вам Соколов нравится.

— Эту формулу применять не у всех получается. На самом деле требуется неимоверное мужество сыграть лишнюю минуту. Есть совершенно замечательный фильм про Рихтера; корреспондент и музыкальный критик Брюно Монсенжон беседовал со многими великими музыкантами и потом делал из интервью фильмы. Рихтер был уже совсем старенький, это была лишь тень великого музыканта. Так что смотреть эти кадры даже несколько больно. Монсенжон предложил, чтобы Рихтер читал свой дневник. И так в фильме и происходит: Рихтер сидит за столом и читает из своих дневников. Очень рекомендую. В этом фильме звучат сонаты Шуберта в его исполнении, попробуйте послушать.

— Спасибо. ♦

КУРИЛКА ГУТЕНБЕРГА

► условия, позволяющие развиваться известным нам формам жизни, и подобная находка открывает перспективы для будущего земледелия (точнее, марсоделения) и сельского хозяйства.

Марс в ясную погоду и в глобальную пылевую бурю. Фото Hubble NASA/ESA

Анализ грунта Марса, проведенный масс-спектрометром SAM на борту марсохода Curiosity, показал, что при нагреве грунта до +400 °C происходит выделение углекислого газа, водяных паров, кислорода и азота, что в целом пригодно для использования в буду-

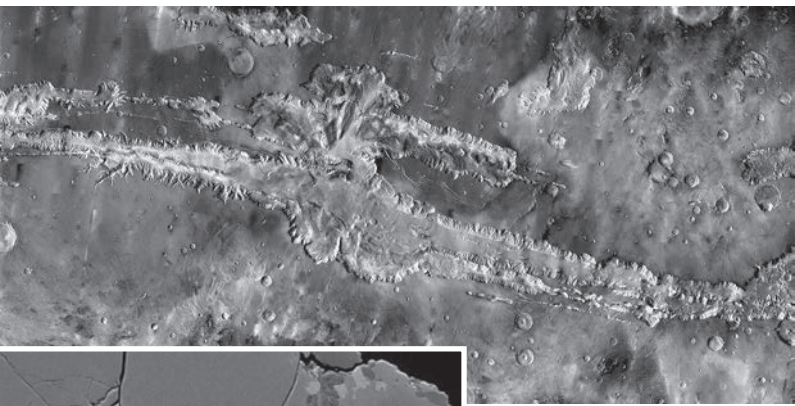
щей хозяйственной деятельности человека на Марсе.

В контексте планируемого полета на Марс в обязательном порядке поднимается вопрос о радиаци-

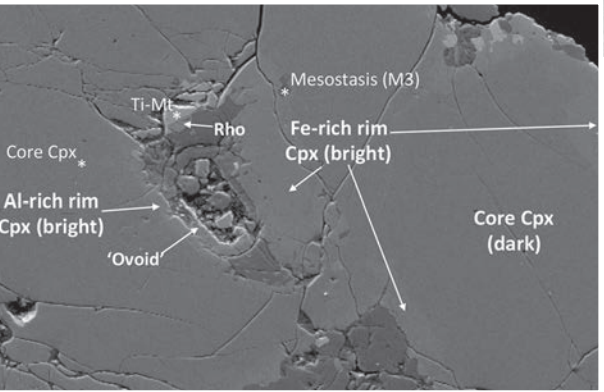
онной опасности во время полета и при работе на поверхности. Исследования радиационных условий во время перелета к Марсу и на его поверхности походились и проводятся прибором RAD на борту марсохода Curiosity.

Изучение воздействия космических лучей во время перелета к Марсу дали не очень обнадеживающие данные: риск для людей превышает в полтора раза допустимый для астронавтов, а для космонавтов допуски еще строже. На поверхности условия более приемлемые. Воздействие ионизирующих частиц на поверхности Марса примерно вдвое ниже, чем в условиях космического перелета, и при низкой активности Солнца соответствует радиационному фону на борту Международной космической станции.

Обязательным этапом изучения Марса станет доставка на Землю образцов грунта. Пока эта задача является достаточно сложной, но остается в проектах NASA и Роскосмоса. Пока есть возможность изучения метеоритов, которые, как считается, прилетели с Марса. В 1990-е годы сообщалось, что в одном из метеоритов обнаружили окаменелости, похожие на бактерии, однако большинство ученых оспорило эту гипотезу. Недавно

Долина Маринера. Фото Mars Odyssey (c) NASA

Клеткоподобная структура в метеорите Нахла. (c) Elias Chatzitheodoridis, Sarah Haigh, Ian Lyon

любопытные окаменелые структуры были обнаружены в другом метеорите. Внешне находка напоминает клетку, в которой можно определить ва-

куоли и даже клеточные поры, однако пока это случай единичный и слишком мало фактических данных чтобы заявлять о сенсации.

Остается только надеяться на более продуктивные находки нынешних и будущих исследовательских миссий. ♦

Статья «Группы смерти» в «Новой газете» [1] стала самой обсуждаемой: за одну неделю к ней обратились практически 2 млн человек. Даже за столь короткое время отношение к статье и к теме подростковых суицидов раза три резко менялось.

Первая волна тревоги и страха за своих и чужих детей сменилась критикой журналистки (за сверхэмоциональность и отсутствие доказательств) и редакции «Новой» (за неожиданный или непривычный консерватизм и попытки психологического давления на администраторов сайтов).

Затем последовали столь же эмоциональные комментарии политиков и вполне предсказуемые реакции на статью; некоторое время обсуждалась тема «заказной статьи» и «руки Кремля». Шумно и не всегда корректно статья обсуждается в «Фейсбуке»: посты друзей и знакомых продолжают разворачиваться в дискуссии, эмоциональность комментариев зашкаливает и принимает агрессивные формы, что, впрочем, становится, к сожалению, почти рутинной практикой.

И наконец, самые последние обсуждения повораиваются в сторону ключевого вопроса: в чем причина подростковых суицидов и существует ли реальная опасность вовлечения новых последователей вместе с расширением столь пагубной и реально опасной тенденции культа «другого» способа не/существования. Уверена, что это тема для широкого общественного обсуждения с привлечением экспертов из самых разных сфер. Я же могу высказать мнение только в рамках своей профессиональной компетенции.

Ужас родителей и моральная паника

Бесспорно, подростковые суициды — реальная социальная проблема. Россия по этому жуткому показателю занимает одно из первых мест в Европе. Однако это вовсе не новая проблема, и статья не делает в этом смысле никакого открытия.

Статья в «Новой» описывает ситуацию в жанре не требующего доказательства факта. Реальная угроза масштабного увлечения подростков идеей суицида через социальные сети и группы «ВКонтакте» и бессилие родителей перед неуправляемой и неконтролируемой жизнью подростка «в другом мире».

На мой взгляд, именно этот акцент вместе с тревожной и угрожающей

эмоциональностью спровоцировал такой резонанс: статья запустила механизм «моральной паники», что — наверняка не умышленно — свело на нет возможность спокойного, рационального и компетентного реагирования.

Моральная паника — это социальный механизм конструирования масштабной социальной проблемы, когда из некоего случая производится общественно значимый угрожающий социальному порядку феномен. Описание случая отличается крайней эмоциональностью и отсутствием рациональных доказательств, ориентируется на вовлеченную аудиторию, используя мотивы непредсказуемости, неуправляемости, неизвестности, угрозы, тревоги и страха.

Случай принимает форму «правды» благодаря широкому резонансу в средствах массовой информации, массивному продвижению через разные каналы, включая слухи, домыслы, мифы и фантазии. В общественные обсуждения вовлекаются политики, которые инициируют санкции в отношении участников, эксперты комментируют ситуацию в условиях дефицита информации, а группы, в максимальной степени вовлеченные в переживание случая (родители, учителя, сами подростки), попадают в зону пристального внимания, а часто и общественно порицания и стигматизации.

Важно то, что моральная паника мешает конструктивному диалогу, широкий шум и многоголосье создают видимость озабоченности и решения, тогда как собственно вопрос, в данном случае о подростковых суицидах и факторах, тем или иным образом провоцирующих их поведение, остается непроясненным.

Дети как «другие»

Социальные ученые давно изучают вопросы, связанные с разрывом поколений, поколенческими кризисами, особыми поколенческими синдромами, по которым можно отличить «своих» от «чужих».

Современные дети и подростки (7–15 лет) — они и правда живут в другом цифровом мире. В нем цир-

кулирует множество конкурирующих идей, предложений, контентов разного жанра и качества, фан-групп со своими реальными и фантазийными гуру. Пожалуй, еще никогда технологический (инструментальный) разрыв между поколениями (причем не только со взрослыми, но и с близкими сверстниками с интервалом в 3–5 лет) не был столь заметен.

Это разрыв не только в способах коммуникации, но и в содержании. Появились новые языки и жанры, свои ловушки для непосвященных и свои ключи для тех, кто «в теме». Можно ли как то управлять, контролировать, вмешиваться в мир, который не очень понятен? Думаю, что можно пробовать, только открытым остается вопрос — как. Должен быть высокий уровень компетенций, понимания подросткового мира и его языка, а главное — желания понять, а не пресечь.

Интересно, что продвижение идеи «дети как другие, чужие» идет практически параллельно (не пересекаясь) с идеей детоцентризма или детоориентированной культуры современных обществ. На мой взгляд, из развернувшейся дискуссии после публикации статьи выпали сами подростки.

Уверена, что если бы с ними попытались поговорить не как с участниками «групп смерти», а как с людьми и субъектами, способными управлять своей жизнью, у которых есть своя картина мира и ценностей, а также своя повседневная жизнь и сложности в доверительной коммуникации со взрослыми, то мы смогли бы узнать о реальных мотивах участия и вовлеченности и о тех проблемах, которые они таким образом, пусть и на символическом уровне, для себя решают.

И опять субкультуры

Пусть и неявно, но в очередной раз вместе с поиском «виноватых» внимание взрослых контролеров обращается к субкультурам. Могу со всей определенностью сказать, что ни эмо, ни готы не имеют ни к этому случаю, ни в целом к провоцированию суицидальных наклонностей никакого отношения. Это отдельная тема для размышлений

и серьезного анализа. Скорее, надо по-новому посмотреть на то, что сегодня собой представляют «группы риска», какими социальными факторами они обусловлены, насколько эффективна социальная политика, психологическое и медицинское сопровождение социализации этих подростков.

Если не субкультуры, то кто? На мой взгляд, мы говорим о сети неких интернет-групп и пабликов, которые боролись друг с другом за право быть хедлайнерами и стать героями Интернета. Выбор темы, полагаю, отчасти случаен, отчасти связан с некими пристрастиями админов, симпатизирующих «черным» темам и идеям крайней степени эксклюзивности в столь экзотическом формате. Группы риска существовали всегда и даже задолго до появления особых субкультурных групп и тем более Интернета. И то, что Россия занимает одно из первых мест по подростковым суицидам, точно не результат пропаганды «групп смерти».

Искаженно-фантазийное представление об эксклюзивной индивидуальности в контексте обостренного поиска смысла жизни характерно для этого возраста. Общество, школа, часто и родители могут говорить не тем языком и не о том. Главные переживания смысла жизни связаны с поиском разделенности, понимания, с желанием избежать одиночества, изоляции, исключения, издевательств, аутсайдерства.

Одним из базовых оснований формирования идентичности в этом возрасте является гендер, понимание мужественности и женственности, разговор со своим телом — насколько ты симпатичен, интересен, привлекателен, можно ли тебя любить, с тобой дружить, можешь ли ты стать знаменитым и звездой...

Ищут взрослых, а надо искать сверстников

Презентация себя (близкого живого и неживого) в Интернете и продвижение эксклюзивности самого

Елена Омельченко

разного качества, подчас на грани приличного, стала рутинной повседневной практикой далеко не только подростков. Снимают и выкладывают живые картинки детей, собак, котиков, свадеб, экстрима разного рода, часто нарушая нормы приватности и хорошего вкуса. Над этим смеются, умиляются, это комментируют, вторично продвигают с помощью телешоу, производя каждый день новых интернет-селебрити.

Стать популярной фигурой можно случайно, а можно и с помощью изощренных технологий и каких-то особых (нетривиальных, шокирующих, потусторонних) тем. Это помогает раскручивать сайт и максимально расширять аудиторию подписчиков, часто выходящих из-под контроля, что, как я и поняла, произошло в этом случае.

Дети и подростки давно уже стали самыми активными пользователями и действующими (властными, компетентными, сверхмобильными) агентами в этом пространстве. Они вступают в фан-клубы, скачивают фильмы и музыку, входят во множество разных групп. Всё это очевидно.

Однако есть одна важная деталь. Группы «своих» (раньше — с одного двора, затем — из одной тусовки или субкультуры, сейчас — из группы «ВКонтакте») — всегда были и останутся для этого возраста ключевыми референтами.

Мне кажется, автор статьи в «Новой газете» неправа, размышляя на тему взрослых кукловодов. «Свои» важны для подростка как воздух: только они и понимают твой язык, юмор, разделяют твои симпатии и «любви», принимают тебя, здесь ты имеешь если не авторитет, то статус, которого у тебя нет в классе, секции, семье. Те, кто «посвящен», четко знают, кто «не свои», «чужие», кого «не примут».

На этом разделении строится идентичность и кристаллизуется представление о главных ценностях и смысле жизни. Группа становится *своей комнатой*, которую начинают закрывать от родителей и вешать табличку «Не входить». Вопрос, поднятый в статье: стоит или не стоит врываться, — я оставлю без ответа. Зависит от ситуации и меры доверия и уважения родителей к детям, а детей — к родителям.

1. www.novayagazeta.ru/society/73089.html

ЮБИЛЕИ

Больше задач, хороших и разных

19 мая 2016 года зам. директора по науке «Второй школы», директору Вечерней многопредметной школы (ВМШ) замечательному учителю математики **Александру Кирилловичу Ковальджи** исполнилось 60 лет. Он выпускник этой школы 1973 года и работает там уже почти 20 лет, с 1997 года. Публикуем поздравления его коллег.

Александр Шень, выпускник «Второй школы» (1974), ст. науч. сотр. Лаборатории теории передачи информации и управления ИППИ РАН, научный сотрудник LIRMM CNRS (Франция, Монпелье):

Александра Кирилловича (тогда Сашу) я помню со времен ВМШ (Вечерней математической школы) во «Второй школе», а желтые бумажки с условиями задач, напечатанные на ротаторе, где-то должны у меня быть до сих пор — там было много хороших задач. (Наверное, мало кто помнит, что такое ротатор: в восковой пленке пишущая машинка без ленты пробивала дырки, и потом через них шла краска с барабана на оттиски.)

Когда мы, тогда преподаватели 57-й школы, одного своего бывшего школьника показывали Ковальджи на пред-

мет возможности приема его во «Вторую школу», Александр Кириллович подверг его какому-то психологическому тесту, велел что-то нарисовать и потом из этого сделал выводы (наверное, правильные, но этот подход меня тогда очень удивил и даже позабавил...)

Здорово, что он продолжает традиции «Второй школы» до сих пор — и, надеюсь, это надолго...

Алексей Канель-Белов, выпускник «Второй школы» (1980), федеральный профессор математики МФТИ, профессор Университета им. Бар-Илана (Израиль):

Мы познакомились с Александром Кирилловичем в далеком 1978 году. Я был старшеклассником, которому предложили в качестве общественной работы вести кружок, а он, кажется, в 1980 году стал директором Вечерней математической школы при ММО. (Предыдущим директором был тоже замечательный педагог Д. В. Андреев, который впоследствии отвечал за математическую часть в системе «Авангард»; среди его воспитанников был, в частности, В. А. Тиморин, ныне де-

кан математического факультета ВШЭ. Перед Андреевым был В. Н. Крупский, перед ним — А. В. Парамонов.)

Традиции ВМШ заложил Евгений Борисович Дынкин, который и был первым директором. Среди этих традиций — заочный конкурс, празднование Нового года, аукцион «Кот в мешке», привлечение старшеклассников и воспитание будущих преподавателей и др. Среди преподавателей в 1980 году был Александр Разборов, тогда школьник, ныне член-корреспондент РАН, профессор Чикагского университета. Мне представляется необходимым собрать летопись ВМШ. На мой взгляд, драгоценное педагогическое и организационное наследие Е. Б. Дынкина не менее ценно, чем его вклад в математику.

В 1980-е годы человеческим центром ВМШ при ММО был Саша Ковальджи (в начале 1980-х там был В. Батырев, в середине-конце десятилетия компания состояла кроме Александра из покойного Дмитрия Дерягина, Дмитрия Аблова, Григория Кондакова, Юрия Бурмана, Константина Игнатьева, Александра Шапиро, Николая Келлина и меня), затем случился перерыв — несколько лет он был секретарем у Анастасии Ивановны Цветаевой, с которой меня познакомил.

В 1990-е годы он вернулся в математическую деятельность, в критиче-

ский момент стал директором «Второй школы», что, возможно, тогда ее спасло (но это только моя личная точка зрения). Одним из замечательных дел, осуществленных Сашей, была канонизация правил математического боя. В свое время существовала московская и ленинградская версия правил, и споры о судействе в Кировской летней многопредметной школе напоминали религиозные войны. Создание канонической версии, с которой все более-менее пусть с оговорками, но согласились, — безусловная заслуга Саши.

Я знал его и в работе над книгами и видел его любовь к отработке деталей [1]. Сейчас Саша принимает активное участие как в жизни «Второй школы», так и в общественной деятельности. Мы недавно написали с ним статью о достоинствах и недостатках листковой системы [2]. Желаю ему здоровья и дальнейших творческих успехов!

1. Одна из наиболее известных: Канель-Белов А.А., Ковальджи А.К. Как решают нестандартные задачи. <http://www.mccme.ru/free-books/olymp/KanKov.pdf>

2. www.mccme.ru/free-books/matpros/pdf/mp-19-kk.pdf

16 и 18 мая в «Новой газете» появилась большая и страшная по содержанию статья Г. Мурсалиевой «Группы смерти» о том, как в социальной сети «ВКонтакте» подростков якобы призывают и подталкивают к самоубийству [1]. И, к сожалению, безуспешно... Не удивительно, что публикация вызвала бурю комментариев в интернет-сетях. Я не буду вступать в дискуссию, а поделюсь некоторыми соображениями, вызванными этой публикацией.

Во-первых, о *состоянии и тенденциях самоубийств* в России и мире. Уровень самоубийств — один из показателей благополучия/неблагополучия общества. В России за последние десятилетия максимальные значения уровня самоубийств (в расчете на 100 тыс. населения) были в годы брежневского застоя (38,7) и в середине 1990-х годов (в 1994 году — 41,8), когда испарилась эйфория от горбачевской перестройки: люди ожидали счастья и радости «здесь и сейчас». В годы же самой перестройки уровень самоубийств снизился до минимума (в 1986 году — 23,3).

С начала 2000-х годов началось неуклонное снижение этого показателя до 17,1 в 2015 году. Это, конечно, очень хорошо, но сокращение уровня самоубийств наблюдается с середины 1990-х годов в большинстве стран мира, так что в России сохраняется очень высокий уровень по сравнению с другими странами. В Европе только в Литве этот показатель был выше российского (необъяснимый «литовский парадокс»).

По уровню подростково-молодежного суицида Россия занимает первое место в Европе и одно из первых в мире. «Абсолютный уровень смертности от самоубийства в России, по сравнению с большинством других стран, весьма высок, по данным ВОЗ, подобные показатели наблюдаются только в некоторых азиатских и африканских странах» (А. Г. Вишневский). Впрочем, это не удивительно, исходя из ситуации в стране, двигающейся не столько вперед, сколько назад...

В мире давно существуют беспилотные самолеты, тестируются беспилотные такси, проектируется «труба», в которой транспорт будет двигаться со скоростью, приближающейся к скорости звука: технологические новеллы непостижимы для большинства людей, но реально внедряются в жизнь. Всё это — в условиях глобализации экономики, финансов, транспорта, технологий, достижений культуры, когда изоляционизм (и импортозамещение) — ошибка, которая хуже, чем преступление...

Размышления по поводу...

Яков Гилинский,

докт. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Во-вторых, события, описанные в статье Г. Мурсалиевой, лишены раз подтверждают то, о чем я много пишу и говорю в последнее время и что не воспринимается большинством читателей/слушателей: *мы живем в совершенно новом мире постмодерна*, основные характеристики которого влияют на все социальные процессы, включая преступность, самоубийства и иные проявления девиантности.

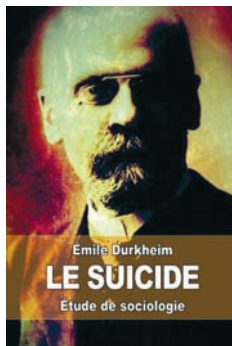
Общество постмодерна предоставляет невиданные раньше возможности и грозит невиданными рисками, вплоть до омницида — самоуничтожения человечества. «Мы, в сущности, живем в апокалиптическое время... экологический кризис, биоэкологическая редукция людей к манипулируемому машинами, полный цифровой контроль над нашей жизнью» (С. Жижек). И еще: «Постмодернизм производит опустошительное действие» (П. Бурдьё). А вот как характеризовал современный мир З. Бауман, выступая в 2011 году перед студентами МГУ: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован»...

Из многочисленных характеристик общества постмодерна (глобализация, виртуализация, консьюмеризация, фрагментация, неопределенность, хаотичность, «ускорение времени» и др.) к теме подросткового суицида имеют непосредственное отношение две: «ускорение времени» и виртуализация.

Дело в том, что *темпы* современной жизни, *быстрота* протекающих в обществе экономических, технологических и прочих процессов («ускорение времени») привели к огромному неосознаваемому разрыву поколений. Мир взрослых (родителей, не говоря уже о бабушках и дедушках) и мир детей, подростков, молодежи — разные миры. В самых благополучных семьях велик *реальный* разрыв в миропонимании, мироощущении, мировосприятии представителей старших и

младших поколений. Не говоря уже о не совсем благополучных семьях...

Этот разрыв усиливается процессами *виртуализации*. Мы все шизофренически живем в мире реальном и виртуальном. Мы не мыслим жизни без компьютеров, мобильных телефонов, скарпов, смартфонов и т.п. Но подростки и молодежь живут *преимущественно* в мире виртуальном. Там они встречаются,

В 1897 году вышел классический труд Э. Дюркгейма «Самоубийство» (www.abebbooks.com)

знакомятся, ссорятся, любят (я спрашиваю своих студентов — вы уже рождаете в Интернете или нет? Молчат, посмеиваются).

В Интернете они убивают («стрелялки»), вскрывают чужие сейфы, но и творят — фоткают (пардон, уважаемые читатели, за жаргон), пишут стихи, совершают технические открытия. Посмотрите на наших спутников в транспорте, особенно в метро, — почти *все* молодые люди «сидят» в смартфонах. Нам, взрослым, очень

много недоступно в *их* мире. А они с большим скепсисом относятся к *нашему* миру, даже будучи внешне послушны, ласковы, терпимы...

Погружение подростков и молодежи в виртуальный мир, как всё на свете, имеет положительные и отрицательные последствия. Это не только безграничные познавательные возможности, средства связи и взаимодействия, но и возможности познания негативных (с нашей точки зрения!) явлений и образцов поведения. В частности, тот тотальный уход из жизни, о котором говорится в статье в «Новой газете» и который в значительной степени объясняется жизнью подростков и взрослых в разных мирах...

И опять-таки, мы нередко неадекватно оцениваем поведение молодых. Они любят «стрелялки», взрослые ратуют за их запрет. Между тем университеты в Вилланове и Ратгерсе опубликовали результаты исследований связи между преступлениями

и видеоиграми в США. Исследователи пришли к выводу, что *во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается*. Как утверждает один из авторов исследования: «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийства» (Patrick Markey).

На сегодняшнем этапе развития общества постмодерна уход подростков и молодежи в виртуальный мир неоднозначно сказывается на динамике и структуре *преступности*. Да, развивается киберпреступность. Но с конца 1990-х — начала 2000-х годов во всем мире сокращается уровень (в расчете на 100 тыс. населения) «обычной» преступности и ее основных видов (убийство, изнасилование, кражи, грабежи, разбойные нападения).

Так, уровень убийств сократился к 2013 году в Австралии с 1,8 в 1999 году до 1,1; в Аргентине с 9,2 в 2002 году до 5,5; в Германии с 1,2 в 2002 году до 0,8; в Израиле с 3,6 в 2002 году до 1,8; в Колумбии с 70,2 в 2002 году до 30,8; в США с 6,2 в 1998 году до 4,7; в Швейцарии с 1,2 в 2002 году до 0,6; в Южной Африке с 57,7 в 1998 году до 30,9; в Японии с 0,6 в 1998 году до 0,3.

В России к 2014 году уровень преступности снизился с 2700,7 в 2006 году до 1500,4; уровень убийств — с 23,1 в 2001 году до 8,2; уровень грабежей — с 242,2 в 2005 году до 53,2; уровень разбойных нападений — с 44,8 в 2005 году до 9,8. Одно из объяснений этой общемировой тенденции — уход подростков и молодежи, основных субъектов «уличной преступности», в виртуальный мир. Там они *удовлетворяют неизбывную потребность в самоутверждении, самореализации*.

Наконец, в-третьих, традиционный российский вопрос «*Что делать?*». К сожалению, мы традиционно любим простые решения сложнейших проблем. Самое простое — запретить! Всё запретить! Запретить Интернет и его отдельные сайты, запретить кружевные трусы и туфли на каблуках, запретить мат и «Тангейзер», обнаженную натуру (на Венеру Милосскую трусики одеть с лифчиком?) и «топот котов»...

В действительности запрет только провоцирует внимание к запрещенному. Сейчас полно бредовых ограничений: 12+, 16+, 18+... Если бы я в детстве увидел 18+, то немедленно бросился бы это читать, смотреть. Это естественная реакция любого человека, особенно молодого. Никогда ничего не запрещали мне, я — своим детям, а они — своим (и все выросли законопослушными). Япония — страна с самыми низкими показателями преступности, включая убийства (уровень последних — 0,3, тогда как в России сейчас — 8,0, а бывало и 23,1). В Японии детям разрешено всё! Впрочем, как в большинстве стран Европы, где уровень убийств — 0,8–1,2.

Всегда поддерживаю лозунг французских студентов 1968 года: «Запретить запрещать!» Да, конечно, действительно опасные деяния должны быть запрещены — убийства и насильственные действия, изнасилование и разбойные нападения и т.п. Хорошо известны последствия неразумных запретов. Запрещение игорного бизнеса привело к развитию нелегальных «катранов» и коррупции, запрет в Советском Союзе абортов — к подпольным абортам и гибели женщин. Мир отказывается от запрета производных каннабиса, марихуаны (Нидерланды и Чехия, Испания и Уругвай, многие штаты США и Португалия, Канада и — КНДР!), в большинстве европейских стран легализована заместительная терапия, а в России запрещены все наркотические средства, психотропные вещества и их *аналоги* (!), что противоречит принципиальному запрету аналогии в уголовном праве.

Возвращаясь к самоубийствам. Запрет общаться подросткам в сетях — абсурден и бессмыслен, обойти его ничего не стоит. Закрывать соответствующие сайты — да, можно (и, пожалуй, нужно), но тоже бессмысленно — взамен закрытых тут же открываются новые. Следовательно, от простых решений следует переходить к сложным.

Родители должны понимать особенности современного общества и своих детей, их психику, интересы. Одно из наиболее действенных антикриминальных, антидевиантогенных, антисуицидогенных средств — обеспечить детям, подросткам, молодежи *реальные возможности* самоутвердиться, самореализовываться в общественно полезной *творческой* деятельности. Понимаю, что это легко сказать... Засим умолкаю. Дальнейшее — дело психологов, педагогов, самих разумных родителей. Хотел добавить — и государства, но вспомнил, какое оно у нас...

1. www.novayagazeta.ru/society/73089.html

Для социологов неоднозначность явлений, наличие множества объясняющих закономерностей и налагающихся друг на друга противоречивых факторов — общее правило. Но когда мы касаемся темы самоубийств, эта множественность должна стихать.

Корневая тема социологии — переопределение самоубийства как социального явления. Как раз масштабный взгляд — не разбор каждой отдельной трагедии, а удивительная стабильность цифр (в расчете на 100 тыс. жителей по конкретной стране), пропорций (по возрастам, между мужчинами и женщинами) и универсальности (все социальные категории, богатые и бедные) — заставляет пробуждаться социологический образ мышления. По крайней мере, меня так учили.

Поэтому несколько до предела холодных и циничных замечаний.

- Безграмотны и неприятны сентенции, которые связывают уровень самоубийств подростков с бедностью или трудоголизмом родителей.

О самоубийствах у подростков

Антон Карпов,

ст. преп. кафедры социологии Новосибирского госуниверситета, науч. сотр. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

- Безграмотны и безответственны высказывания о «резком всплеске» показателей самоубийств в России за последние лет. Цифры по годам и десятилетиям теперь открыты, можете проверить — они существенно не изменились.
- Одна из важнейших мыслей Эмilia Дюркгейма, классика социологии, автора знаменитой книги «Самоубийство: Социологический этюд», такова: само определение самоубийства исторично, методика разделения несчастных случаев и самоубийств условна.
- Именно поэтому Непал оказывается и в мировых лидерах, и в

мировых аутсайдерах одновременно в разных таблицах статистики самоубийств [1]. Эту мысль можно довести до предела. Гэри Беккер (Gary Stanley Becker), нобелевский лауреат по экономике, вообще предложил считать любую смерть в определенном смысле самоубийством — мы информированы о последствиях образа жизни, режима дня, потребления тех или иных продуктов, опасности пьяного вождения, рисках при переходе дороги в темноте и так далее.

- При серьезных изменениях внешних условий маловероятны измене-

ния показателей фаталистических, эгоистических и альтруистических самоубийств, но мы оговоримся — мало изменится количество попыток. Успешность в доведении до конца зависит от состояния медицинской практики.

- Серьезные колебания касаются аномических самоубийств, и, как справедливо заметили многие критики статьи в «Новой газете», как раз интернет-тусовка замечает нелюдным подросткам нормальное общение, спасает их от аномического тупика.
- Иными словами: при попытках серьезно изменить отношение к по-

ведению конкретного подростка, который уже на грани, мы, может быть, спасем его. На данный момент времени, а может быть и вообще предотвратим такой его уход из жизни.

- Но при массовом воспроизводстве таких усилий в масштабах страны родители других подростков, сейчас далеких от крайнего состояния, подтолкнут своих детей к этой черте. Не следуйте советам Мариенгофа, потому что кто-то из последовавших уже никогда не сможет себе этого простить. Просто будьте людьми и ведите себя с детьми по-человечески.
- И да, конечно, как родитель 12-летнего парня, я был заколдован этим текстом и всячески убеждал себя, что всю предварительную работу по взаимоотношениям с «ВКонтакте» я провел как мог.

1. https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_suicide_rate

Полгода назад региональные выборы во Франции заставили не только всех французов, но и всю Европу застыть в напряженном ожидании на целую неделю, от объявления «скандальных» результатов первого тура до появления «успокоительных» результатов второго. Перед этими выборами Францию потрясла серия терактов, и это сыграло на руку крайне правой партии «Национальный фронт» (FN), которая по результатам первого тура вышла на первое место аж в шести из тринадцати регионов страны, да и в остальных семи регионах уверенно находилась на втором или третьем месте. Но во втором туре французы взялись за ум и дружно дали отпор этим «страшным и ужасным фашистам», которые в итоге не набрали большинства ни в одном регионе. Просто немножко поугадили французы свое правительство — не слишком, мол, балуйте с этими, которые понаехали...

На самом деле всё гораздо сложнее. Не так уж много французов «взялось за ум» перед вторым туром — всего лишь 8,5%, т.е. примерно каждый 12-й. Притом результаты FN, хотя и уменьшились от первого тура ко второму в процентах от проголосовавших, в абсолютном исчислении (т.е. в процентах от числа всех зарегистрированных избирателей) даже увеличились: с 13,9% до 15,8%. То есть к тем шести с лишним миллионам, кто в первом туре пришел показать начальству кузькину мать, во втором поспешили на помощь еще почти 2%, т.е. еще 860 тыс. пропагандированных и обозленных или испуганных французов.

Пожалуй, еще более интересный вопрос — всевозможные договоренности между избирательными блоками перед вторым туром. В разных регионах они происходили по-разному, к рекомендациям своих центральных «политбюро» далеко не все региональные партии прислушались. В двух регионах, где FN был особенно близок к победе, «левые», занявшие там третье место, решили вообще выйти из игры, призвав своих избирателей голосовать за «правых» («левые» и «правые» во Франции — это, в общем, скорее левоцентристы и правоцентристы, в отличие от «крайне левых» и «крайне правых»). В других регионах партии и блоки приняли другие «стратегические» решения, повсюду, однако, имея в виду одну общую цель: «Национальный фронт» не должен выйти на первое место и получить пост президента регионального совета.

(К слову сказать, если бы в Германии коммунисты так же дружно вошли в коалицию с социал-демократами, ну хотя бы в самый последний момент, на выборах в ноябре 1932 года, то Гитлер не стал бы рейхсканцлером, и, возможно, не было бы ни холокоста, ни мировой войны, ни десятков миллионов убитых, — но Сталин решил иначе и попросту запретил Эрнсту Тельману договариваться с «этими ренегатами»...)

Можно много еще рассуждать о политических аспектах этих французских выборов (или, например, президентских выборов в Австрии в мае 2016-го, или еще каких-нибудь столь же драматических), но я хотел бы продолжить о другом: почему существуют различные избирательные системы, почему всё время придумываются какие-то новые; какие при этом требования пытаются удовлетворить и каких целей достигнуть; и, наконец, есть ли какая-нибудь польза от систем «электронного голосования». Тема эта весьма обширна, и моя статья растянется поэтому на два номера.

Зададим для начала вопрос: а зачем вообще нужны выборы? Мы склонны ответить не задумываясь — чтобы *выразить волю народа*. В этой руссоистской формуле, однако, каждый член требует уточнения. Начать с того, что

Избирательные системы и воля народа

Кирилл Великанов,

разработчик систем электронной демократии

же это такое — «народ»? Ну, допустим, это все граждане данной страны, достигшие определенного возраста, соответствующие определенному образовательному и/или имущественному цензу (этот последний пункт, впрочем, в течение прошлого века почти всюду отменен); если выборы региональные или местные — то гражданин должен реально проживать в данном регионе или городе...

Но это всё — не о «народе» как общности, а о совокупности отдельных лиц, имеющих право проголосовать на данных выборах. У каждого из них своя личная «воля»; народ — лишь собирательное название. Можно ли говорить о «воле народа»? Обсуждение этой темы нас завело бы далеко, так что ограничимся простейшими соображениями, за недостатком места даже не приводя ссылок на авторитетных авторов.

Итак, народ составлен из граждан, у каждого из которых, вообще говоря, своя собственная иерархия (или система, или просто набор) ценностей,

родом парламента: мы их избрали, а они там пусть совещаются между собой и договариваются, стараясь защищать наши *интересы* (цели и ценности). Напротив, *прямая демократия* (в простом варианте референдумов) не занимается этим вопросом вообще: поставлен вопрос — пусть каждый ответит на него, выберем ответ, набравший большинство голосов. А чтобы простое большинство было сразу абсолютным, вопрос ставится в бинарной форме: либо за или против предлагаемого решения, либо два разных варианта решения.

Каждая из этих двух моделей — и прямая, и представительная — по-разному упрощает и огрубляет поставленную выше общую проблему выражения *воли народа* исходя из совокупности индивидуальных волей; каждая вносит свои ограничения и при этом порождает собственные проблемы.

Одна из проблем представительной демократии — необходимость каждому избирателю выбирать одного пред-

ставителем (или партийный список) по заявленной каждым кандидатом программе, касающейся многих разных тем, — между тем как избирателю, вообще говоря, хотелось бы по теме А голосовать за Васю и тем самым за его предложение по этой теме, а по теме Б — не за Васю вовсе, а за Машу и ее предложение по теме Б (многомерность выбора). Голосуя все-таки за Васю, этот избиратель скрепя сердце должен согласиться с тем, что по теме Б решения будут приниматься с искажением его воли или даже вопреки ей — многомерность заменяется одномерностью, сложная картина неоправданно упрощается.

Другая проблема — *безусловность представительства*: вот я выбрал Васю, он теперь мой представитель, скажем, в парламенте, но у меня нет никакого контроля ни за тем, в какой мере он соглашается в процессе парламентских дебатов и голосований отступать от заявленной им программы, ни даже за тем, старается ли он хоть сколько-то продвигать эту свою программу, ради которой я за него голосовал. Это обычная проблема с выбранными переговорщиками в любой потенциально конфликтной ситуации.

Если же правила представительства таковы, что Вася не должен ни на шаг отступать от своей предвыборной программы, за которую мы с вами голосовали (это называется ким-

перативным мандатом), то никаких дискуссий и компромиссов в парламенте возникнуть не может; но тогда зачем мы вообще этого Васю избирали и зачем нужен парламент? Менее сильная формулировка императивного мандата состоит в том, что Вася, избравшийся в парламент от такой-то партии, в течение всего срока полномочий этого парламента не должен выходить из соответствующей партийной фракции и подчиняться ее внутривнутрипартийной дисциплине. В этом случае дискуссии в поисках (внутрипартийного) компромисса происходят в основном в партийных фракциях, и так, собственно, и бывает организована работа в парламенте. И опять у нас тот же вопрос: а зачем нужен конкретный Вася? Почему не голосовать просто за ту или иную партию, просто увеличивая ее «вес» в парламенте?

Для решения указанных двух проблем (естественной многомерности выбора избирателя и навязанной ему безусловности представительства) сравнительно недавно была предложена модель так называемой *текучей (liquid) демократии* (по-русски было также предложено называть ее «облачной»). Реализовать ее практически можно только в «электронном» (т.е. компьютерно-программно-сетевом) виде — иначе будет слишком громоздко и трудоемко.

В этой модели я имею возможность по теме А выбрать своим представителем Васю, а по теме Б — Машу. Каждый голос, отданный, например, Васе по теме А, увеличивает *вес* его собственного голоса — но именно по этой теме А, в то время как по другим темам он должен получать голоса отдельно. Более того, я могу разделить свой голос — скажем, по теме А отдать 2/3 Васе и 1/3 Маше; а могу и оставить весь мой голос или какую-то долю себе самому и голосовать напрямую. Таким образом, в своих крайних выражениях модель текучей демократии включает в качестве частных случаев и классическую представительную, и классическую прямую модель.

Дополнительное свойство текучей демократии — ответственность представителей перед избирателями: я могу в любой момент ознакомиться с действиями Маши и Васи, и если вижу, что, например, Вася «нарушает данные мне обещания», то могу отозвать свой голос, тем самым уменьшив вес голоса Васи в дебатах и голосованиях. Текучая (она же облачная) демократия не избавляет, однако, от третьего недостатка представительной демократии: рядовой участник процесса отдает свой голос за человека, а не за идею. Однако, как сказано, «Платон мне друг, но истина дороже» (первообраз этой фразы — у самого Платона, и там говорится о Сократе; Аристотель повторяет ту же максиму, но говорит просто о друзьях и идеях).

В практических реализациях облачной демократии часто наблюдается феномен «раздувания репутации» кого-нибудь из участников за счет голосов его друзей, мало обеспокоенных тем, насколько дальнейшие действия их «представителя» соответствуют их собственным предпочтениям. В сегодняшней представительной демократии этому соответствует еще более прискорбное явление: когда голоса избирателей отдаются кандидату в соответствии с его медийной картинкой — например, популярному киноартисту.

Кирилл Великанов

Наконец, при отсутствии политических свобод выбор конкретного представителя может быть результатом насилия; например, директор предприятия может организовать контролируемое голосование, пригрозив какими-то материальными ограничениями, — в точности как в известной нам всем реализации представительной модели.

Прямая демократия референдумов, со своей стороны, таит в себе еще более серьезные опасности, в особенности в странах, к референдумам не привыкших (а привыкла на сегодняшний день, кажется, только Швейцария). Дело в том, что акт тайного голосования отдельного «рядового гражданина» зачастую является довольно безответственным: он в значительной мере подвержен, с одной стороны, влиянию пропаганды через массмедиа, с другой — эмоциональным реакциям на текущий момент и на эту самую пропаганду.

Авторитарные правители умеют этим пользоваться, организуя референдумы по ключевым вопросам в эмоционально разогретой обстановке: вспомним гитлеровские «пленбисциты» о выходе из Лиги Наций, вводе войск в Рейнскую область и аншлюсе Австрии. Послевоенная конституция Германии содержит полный запрет референдумов на федеральном уровне — так сказать, для подстраховки, чтобы не могло повториться...

Региональные выборы во Франции, о которых говорилось выше, являются ярким примером безответственного голосования значительной части общества. Голосование за киноактера тоже пример безответственного голосования. Но при выборах в представительный орган опасность безответственного голосования всё же ниже, чем на запущенном властями референдуме, поскольку «безответственно избранные» депутаты — все-таки живые люди с каким-то чувством ответственности, и они совсем не обязательно поддержат популистское антиконституционное предложение, которое легче прошло бы на всенародном прямом референдуме. Так, по крайней мере, считают противники референдумов; впрочем, более серьезное обсуждение этой темы потребовало бы отдельной статьи.

Основное противопоставление — обсуждение альтернатив через представителей (в парламенте) или выбор из предъявленных кем-то альтернатив без их обсуждения (на референдуме). Это противопоставление снимается в разрабатываемой мною модели прямой совещательной демократии, в некотором роде являющейся развитием античной афинской демократии и переводом ее на численно другой уровень с помощью специализированных компьютерно-сетевых инструментов; но об этом тоже невозможно рассказать кратко в данной статье.

Итак, представительная демократия, при всех ее несовершенствах, продолжает оставаться основным типом государственного устройства в западных странах, а с некоторых пор к этим странам формально примкнула и Россия. Я не случайно здесь уточнил — «формально примкнула», потому что по многим параметрам нынешнюю российскую систему управления лишь с большой натяжкой можно назвать «представительной», слишком уж большую роль играет в ней административный аппарат государства. Во второй части этой статьи я постараюсь обосновать как это критическое утверждение, так и мой оптимизм относительно будущего — готовясь к которому мы обсудим и сравним различные избирательные системы и различные методы голосования, что отнюдь не является чисто академическим вопросом.

Окончание см. в ТрВ-Наука № 12(206).

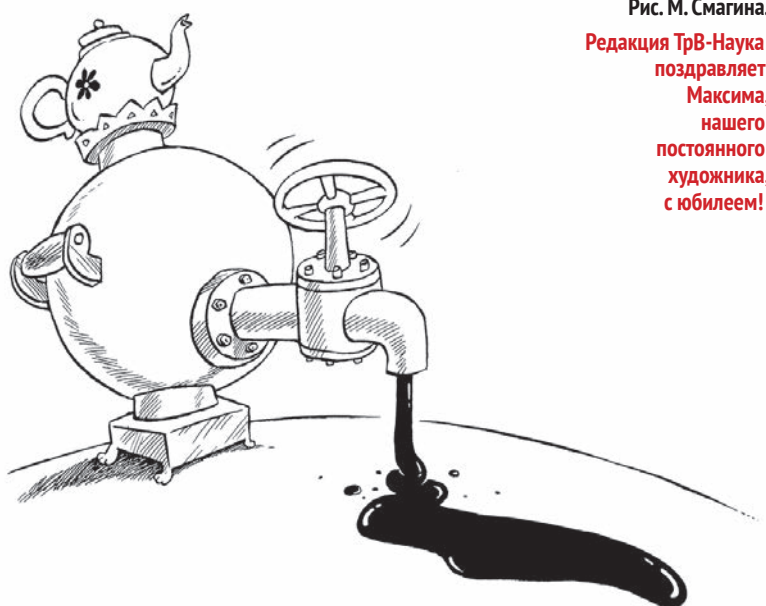

Рис. М. Смагина.
Редакция ТрВ-Наука
поздравляет
Максима,
нашего
постоянного
художника,
с юбилеем!

исходя из которых (осознанным или неосознанным образом) гражданин формулирует *цели и требования* в отношении возможных *решений* тех или иных социальных проблем и исходя из этих ценностей, целей и требований выбирает какое-то из предложенных ему решений; а если ему предлагают выбирать не между решениями, а между кандидатами на то, чтобы его *представлять*, то выбирает того или тех, от кого он ожидает принятия решений в соответствии с указанными выше ценностями, целями и требованиями, т.е. в соответствии со своей «волей».

Как же из этого множества индивидуальных волей может возникнуть общая «воля» народа, этого коллективного *суверена*, по знаменитому выражению Руссо? Можно каждый раз принимать в качестве «воли народа» решение, получившее простое большинство голосов; но это очень плохой метод. Представьте себе выбор между пятью предложенными решениями, из которых самое «популярное» набрало, скажем, 25% голосов, а другие — 23%, 20% и меньше. Можно ли считать волей всех волю лишь четверти избирателей? Или все-таки предпочтительнее как-то *договариваться*?

Представительная (парламентская) модель демократии исходит из того, что обсуждать и договариваться, конечно, надо, но перемещает этот вопрос в зал заседаний избранного на-

ставителя (или партийный список) по заявленной каждым кандидатом программе, касающейся многих разных тем, — между тем как избирателю, вообще говоря, хотелось бы по теме А голосовать за Васю и тем самым за его предложение по этой теме, а по теме Б — не за Васю вовсе, а за Машу и ее предложение по теме Б (многомерность выбора). Голосуя все-таки за Васю, этот избиратель скрепя сердце должен согласиться с тем, что по теме Б решения будут приниматься с искажением его воли или даже вопреки ей — многомерность заменяется одномерностью, сложная картина неоправданно упрощается.

Другая проблема — *безусловность представительства*: вот я выбрал Васю, он теперь мой представитель, скажем, в парламенте, но у меня нет никакого контроля ни за тем, в какой мере он соглашается в процессе парламентских дебатов и голосований отступать от заявленной им программы, ни даже за тем, старается ли он хоть сколько-то продвигать эту свою программу, ради которой я за него голосовал. Это обычная проблема с выбранными переговорщиками в любой потенциально конфликтной ситуации.

Если же правила представительства таковы, что Вася не должен ни на шаг отступать от своей предвыборной программы, за которую мы с вами голосовали (это называется ким-

Юрий Васильевич Шатин — человек в новосибирском Академгородке не просто известный, а, скорее, знаменитый. Его знают и любят не только студенты, аспиранты и сотрудники Сибирского отделения РАН, но и ценители литературы XIX века, поэты и любители поэзии. Он преподает в НГУ, НГПУ, Новосибирском независимом институте, Новосибирском театральном институте, Московской международной академии бизнеса и менеджмента, он главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН, член общественной организации «Российское общество Иосифа Бродского» и редсовета городского центра любителей поэзии «Дом Цветаевой».

Но больше всего поражает даже не его работоспособность и множество регалий, а широта кругозора. «Помните, у Бродского...» — говорит он мимоходом и цитирует какие-то малоизвестные дневники какого-то малоизвестного друга Бродского. Он вскользь упоминает огромное количество фактов, стихов, цитат, очевидно не догадываясь, что большинство людей в мире далеко не столь образованны...

При этом Юрий Васильевич уверяет, что в нашем мире многое зависит от образования, даже владение родным языком:

— На сегодняшний день ученые выделяют четыре уровня владения языком. Первый уровень задается самим фактом существования в языковой среде. Этот уровень хорошо характеризуется анекдотом про «один кофе и один булочка». Большинство русскоязычных людей могут не знать, как правильно говорить, «один кофе» или «одно», но зато про булочку они точно скажут «одна».

Следующие уровни уже связаны непосредственно с образованием.

— Второй уровень, стилиевой, — это способность различать разные стили текстов и устной речи. Любой студент отвечает на экзамене и рассказывает об этом самом экзамене друзьям совершенно в разных стилях. Французы провели эксперимент, согласно которому у человека после 15 лет обучения на отлично в памяти остается лишь 7% услышанной (и успешно сданной) информации. У троичников этот процент еще меньше...

Возникает законный вопрос: зачем же учиться при таком низком КПД?

— На самом деле мы учимся не знаниям, а разным способам коммуникации. В том числе и тому, что имеющиеся у нас знания можно представлять в разных стилиевых кодах, — поясняет Юрий Васильевич.

Третий уровень владения языком изучает риторика — это способность мыслить и разговаривать целостными текстами. Чаще всего это прихо-

Живая структура языка

О русском языке как об океане, о том, как связано образование и владение языком, о том, с какими сложностями сталкиваются переводчики и программисты, создающие программы перевода, Юлия Черная побеседовала с профессором Юрием Шатиным.

дит с высшим образованием. Самым высоким признается четвертый уровень — способность создать свой авторский, эксклюзивный текст. Причем эксклюзивность подразумевает оригинальный авторский контент. О том, можно ли научить этому уровню, пока единого мнения нет.

— Мой внук как-то услышал новость, сколько примерно стоит «Квадрат Малевича», — объясняет особенности четвертого уровня владения языком Шатин. — Он тут же предложил нам с ним нарисовать такой же. Но мы же понимаем, что 12 млн стоит не сам черный квадрат, а его идея.

Владение языком, конечно, не ограничивается правильными падежами, родами, уместным стилем. Самая главная функция — понимание.

Юрий Шатин. Фото С. Ковалева

— Чем сложнее текст, тем сложнее он понимается. Когда первый компьютер перевел с английского на немецкий и обратно фразу «Петя пошел в магазин и купил яблок», айтишники пришли в восторг. Но филологи эту радость быстро остудили. Они предложили компьютеру для перевода известную библейскую фразу «Где плоть тленна, дух вечен». Машина перевела: «Мясо сгнило, и распространилась вонь». Чем сложнее текст, тем в меньшей степени искусственный разум может с ним работать, — рассказывает Шатин.

Конечно, с тех пор удалось достичь значительных успехов в машинном переводе. Большие надежды программисты возлагают на работу с крупными объемами данных и обучение искусственного интеллекта на основе имеющихся успешных переводов

литературных текстов. Но Юрий Шатин подобных надежд не разделяет...

— В художественном тексте изначально господствует установка на деавтоматизацию. Я думаю, что художественный язык — это язык с бесконечным количеством состояний. При этом каждый автор находит новые смыслы, которые отличаются от общепризнанных стандартов. Этим художественный язык и отличается от шахмат. Поэтому я уверен, что мы можем научить компьютеры переводить, скажем, инструкцию к пылесосу, но не литературе.

В 1970 году в институте иностранных языков им. Мориса Тореза текст с русского языка перевели на английский и передали переводчикам для обратного перевода. Переводчик перевел:

«Нетерпеливо туфли блещут лаком / До бедны семь шагов. Всё решено / Мне дома нынче сон уже не лаком / У Джорджа нынче спать мне суждено». При этом изначально был взят текст русской частушки: «Эх, лапти мои, / Четыре опорки! / Хочу — дома заночую, / Хочу — у Егорки!»

Но при двойном переводе лапти превратились в туфли, опорки — в лак, Егорка — в Джорджа, а лиричности переводчик добавил уже от себя... Исследователи не остановились на достигнутом. Текст они вновь перевели на английский и дали переводить еще одному специалисту. Частушка превратилась в «В ботинках этих пройден долгий путь / Воланы запылились до корней / Хочу — сумею дома отдохнуть / Хочу — переночую у друзей». Чем больше мы усложняем текст, тем больше ловушек ставит нам язык.

— Я общался с болгарскими переводчиками, которые никак не могли перевести первую строчку «Евгения Онегина»: «Мой дядя самых честных правил». В болгарском разные слова для дяди со стороны матери и со стороны отца. В японском, к слову, их четыре: старший и младший брат отца, старший и младший брат матери. При этом для японца история меняется кардинально в зависимости от того, о ком идет речь — о младшем брате матери или старшем брате отца.

Иногда эти ловушки используют в манипулятивных целях. Юрий Васильевич привел довольно безобидный пример такого использования.

— 14 лет назад один француз дал объявление, в котором обещал всего за 2 евро рассказать, как сохранить волосы надолго. Он заработал на этом 200 тыс. евро и всем отвечал одинаково: «Храните их в полиэтиленовом мешочке». Так что важно не стать жертвой буквализма. Коммуникативная среда нас заставляет делать выбор не только лингвистический, но и этический.

Язык, конечно, структура живая, подверженная изменениям. И чем дальше мы спускаемся вниз по хронологии, тем существенней эти изменения.

— Если сто лет назад говорили: «Я непременно приду в театр», то сейчас — «Я обязательно приду». Для нас эти фразы остаются синонимами, а сто лет назад «обязательно приду» не мог сказать зритель, только актер, контролер или работник сцены. В 1950-х годах было принято смягчать согласные в словах [Люд'мила], [кон'фета], [з'верь], [д'верь] и т.д. Уже в 1960-е эти звуки смягчать перестали. Обычно эти изменения для носителей языка не заметны. Но если мы послушаем тексты столетней, а уж тем более десятилетней давности, то изменения станут очевидны. Сто лет назад про двух женщин нельзя было сказать «они» — только «оне» («И завидуют оне / государевой жене»), а уже сегодня на канале ВГТРК журналисты говорят «в обоих палатах Заксобрания».

И чем глубже мы спускаемся по хронологической лестнице, тем существенней отличия. Скажем, 800 лет назад были два замечательных слова — «бык» и «бъчела», инь и ян в славянской мифологии. Бык быком остался, а бьчела превратилась в пчелу...

Юлия Черная

Филологи подсчитали, что если скорость изменения языка останется прежней, то через 833 года русский язык ждут кардинальные изменения. А это значит, через 900 лет потомки уже не будут понимать наш нынешний язык. Стоит ли сопротивляться изменениям в русском языке? Пора ли уже паниковать?

— Я сравниваю русский язык с океаном, откуда мы можем черпать воду ведром всю жизнь и океан этого даже не заметит, — успокаивает мой собеседник. — В русском словаре Ожегова 450 тыс. слов, в словаре Пушкина — 4 тыс. То есть Пушкину понадобилась лишь одна тысячная русских слов, чтобы сказать всё то, что он сказал...

Изменения в языке происходят ежедневно и ежечасно. Но кардинальные изменения случаются крайне редко. Конечно, фонетика меняется быстрее, чем грамматика. Тем не менее Юрий Шатин предполагает, что лет через 70 в русском языке будет уже не 6 падежей, а 3–4. Даже сейчас в творительном падеже совпадают три падежа: творительный сравнительный («ходить гоголем»), «казаться Пушкиным»), творительный действительный («книга написана писателем»), творительный инструментальный («книга написана пером»). Так что в современном русском языке функций больше, чем падежей.

Во многих индоевропейских языках стираются роды. Такую возможность для родовых окончаний нарицательных имен Шатин предполагает и в русском: «В ближайшие лет 100–150, думаю, исчезнет средний род, соединившись частично с мужским, частично с женским. Трансформации ведут к тому, что родовые окончания будут исчезать. Проявления этого уже можно наблюдать на числительных и местоимениях».

У стиховеда Шатина просто невозможно не спросить о тенденциях в современной русской поэзии.

— Во-первых, стирается разница между объективным и субъективным миром. Во-вторых, идет концептуализация — вытеснение художественного образа неким концептом. Как пример приведу строфу Александра Ерёменко:

*Сгорая, спирт похож на пионерку,
Которая волнуется, когда
Перед костром, сгорая от стыда,
Завязывает галстук на примерку.*

На вопрос о гениях в современной поэзии профессор предпочел не отвечать:

— Современникам всегда тяжело судить своих поэтов: сознание обывателя отстает от поэзии. И нужно иметь особенный сверхслух, который позволяет услышать. Именно поэтому о поэзии XXI века, о поэзии 20–25-летних я судить боюсь. ♦

Цена вопроса?

Владимир Гельман,
канд. полит. наук,
профессор ЕУСПб и Finland
Distinguished Professor
в Александровском
институте Университета
Хельсинки

Владимир Гельман

Прогрессивная общественность обсуждает новость о планах вернуть в Россию 15 тыс. уехавших за рубеж ученых, которых хотят завлечь в страну зарплатами по 800 тыс. руб. и бесплатными детскими садами, — вроде бы даже списки кандидатов на возвращение планируют составлять [1]. Характерно полное энтузиазма интервью руководителя рабочей группы: «Самый яркий пример — Китай: они в

свое время тоже потеряли огромное число ученых, но благодаря государственной программе очень многих сумели вернуть. В первую очередь меняется образ страны: из бедного, неразвитого, бесперспективного государства, из которого все уезжают, Китай стал страной возможностей. Мне кажется, Россия имеет все шансы быть комфортной и интересной для проживания. Во всяком случае, мне здесь комфортно и интересно, почему другим не будет так же?!»

Сама по себе идея выглядит привлекательной: да, «цена вопроса» с учетом налогов превысит 190 млрд руб. в год (индексация пенсий по старости всем россиянам на 10% — это 590 млрд руб.), но большая наука стоит больших денег.

Однако даже если вывести за скобки финансовые ограничения и внутривнутриполитический и международный климат, проблемы выглядят куда серьезнее. Одно дело — временная программа мегагрантов: Большой Ученый приезжает в Россию на несколько месяцев и затем уезжает обратно в свой условный MIT, его (ее) обслуживает российское принимающее академическое учреждение, обеспечивающее бюрократический интерфейс за счет специально выделенных средств, ну и так далее.

Теперь представим себе Большого Ученого, приехавшего в то же самое принимающее академическое учреждение на-

совсем, и не в условиях «карманов эффективности», а в самых что ни на есть обычных. Административное, отчетность, госзакупки, в случае преподавания — всевозможные госстандарты и УМК, вузовские менеджеры а-ля Кропачев (не говоря уже о клиентах Диссернета)...

Иначе говоря, проблема состоит не в 15 тыс. ученых как таковых, а в том, что институциональная среда и инфраструктура в России в целом и в большинстве российских вузов в частности совершенно непригодны для того, чтобы 15 тыс. ученых захотели вернуться насовсем; причем шансы на улучшение этой среды в ближайшие годы (если не десятилетия) невелики. И цена решения этого вопроса куда выше, чем 190 млрд руб. ...

1. www.mk.ru/social/2016/05/23/v-rossii-zapuskeyut-kampaniyu-po-vozvrashteniyu-15-000-uchenykh-iz-za-rubezha.html

Оригинал публикации см. на <http://grey-dolphin.livejournal.com/843998.html>

Образ овуляции

Наталья Резник

Инстинкт продолжения рода в человеке все-таки заложен, как и в любом примате. Женщины (и обезьяны) могут забеременеть только во время овуляции или за несколько дней до ее наступления, следовательно, именно на этой стадии они должны привлекать партнера, такова биологическая целесообразность. Но если у приматов всё грубо и зримо, и признаки овуляции настолько заметны, что самцу не составляет труда выбрать самку, у женщин таких явных признаков фертильного периода нет. Это обстоятельство породило различные гипотезы о природе скрытой овуляции. Быть может, это ценное эволюционное приобретение, благодаря которому мужчина проявляет интерес к партнерше постоянно, а не два-три дня в месяц. Не исключено также, что женщина таким образом старается в определенные дни не привлекать к себе излишнего внимания противоположного пола, чтобы иметь возможность самой сделать выбор. Есть и другие гипотезы, но ни одну из них невозможно проверить на практике. Как бы то ни было, попытки скрыть женскую овуляцию с треском провалились, потому что мужчины всё равно ее чувствуют.

Несколько лет назад мир заинтересовали и позабавили результаты исследования психологов из Университета Нью-Мексико (США) [1]. Ученые выяснили, что танцовщицы, исполняющие эротические танцы на коленях у мужчин, в дни, предшествующие овуляции, получали от клиентов ощутимо больше чаевых, чем в лютеиновую фазу цикла (она наступает после овуляции и длится до начала менструации). Разница была значима для женщин, не принимавших гормональных контрацептивов. Это не очень представительное исследование, в нем участвовали всего 18 танцовщиц, но есть достаточно других результатов, которые показывают, что с женщиной в дни, предшествующие овуляции, в ее фертильный период, все-таки происходят некоторые изменения, небезразличные для мужчин.

Обзор этих исследований, многие из которых они сами и провели, сделали специалисты Калифорнийского университета Марти Хазелтон (Martie G. Haselton) и Келли Гилдерслив (Kelly Gildersleeve) [2]. Мужчинам приходилось рассматривать фотографии женских лиц и фото в полный рост с закрытыми лицами, слушать аудиозаписи, оценивать женские наряды, ню-

хвать футболки, в которых дамы провели ночь. Результаты показали, что в фертильный период у женщин меняется походка и пластика, внешность и голос, поведение и запах, и именно в эти дни они сильнее привлекают мужчин. Эти изменения связаны с колебанием уровня половых гормонов, главным образом эстрадиола, уровень которого резко возрастает за несколько дней до овуляции.

Но одно дело лабораторное исследование, фотография незнакомой женщины или танцовщица в клубе, а другое —

к мужьям, их тянет к более маскулинным, тестостероновым парням, они выбирают более сексуальную одежду, чаще ходят в клубы, охотнее принимают приглашение на танец от незнакомцев. Поэтому трудно сказать, чем вызвано изменение мужского поведения: изменившимся голосом, запахом подруги или же ее усиленным кокетством, вызывающим у мужчины влечение или ревность. Кстати, женщины с повышенным уровнем эстрадиола и сами более ревнивы, чем в лютеиновую фазу.

Прототипы и стимулы. (а) Прототипы лица в фазе овуляции (слева) и лютеиновой фазе (справа) представляют собой усредненные изображения 18 девушек. (б) Лицо-стимул: слева фертильная, справа лютеиновая фаза [4]

реальная спутница жизни. Замечают ли мужчины признаки овуляции у своих жен? Оказалось, что да, хотя работ такого рода немного. Женщины отмечают, что в период фертильности мужа становятся более ревнивыми и стремятся контролировать поведение супруги. Надо сказать, прекрасные половинки дают им повод. Согласно тем же исследованиям, женщины в свои фертильные дни испытывают охлаждение

Специалисты Венского университета, Университета Масарика (Брно, Чехия) и Университета им. Коменского (Братислава, Словакия) смогли выявить объективные признаки, которые позволяют отличить лицо овулирующей женщины от лица лютеальной [3]. Ученые использовали портретные фотографии 20 девушек, нанесли на изображения метки и проследили, как меняются координаты этих

меток в разные фазы цикла. Оказалось, что в лютеиновой фазе лицо менее симметрично, нижняя его часть становится тяжелее, как будто оплывает, брови более заметны и слегка насулены. В стадии овуляции нижняя часть лица тоньше и легче, губы полнее, само лицо розовее, вероятно благодаря усиленной циркуляции периферической крови, кожа окрашена равномернее. Тонкие черты и пухлые губы — признак молодости. Европейские красавицы по традиции белы да румяны. Румянец также признак здоровья. Неудивительно, что лица женщин в фазе овуляции кажутся более привлекательными, здоровыми, сексуальными, дружелюбными, заслуживающими доверия, молодыми и симпатичными, чем лютеиновые. Получается, что особенности женского лица, которые, как принято считать, делают его привлекательным, на самом деле сигнализируют об овуляции и уровне эстрадиола.

С биологической точки зрения это вполне объяснимо: мужчине нужна фертильная подруга. А сами женщины что же, замечают ли они состояние окружающих дам и если да, то как его воспринимают? У них есть причины тревожиться, потому что овулирующая женщина — потенциальная соперница.

Этот вопрос исследовали психологи Бернского университета под руководством профессора Янека Лобмайера (Janek S. Lobmaier). Ученые предположили, что, если лица в фазе овуляции действительно становятся красивее, их сочтут таковыми не только мужчины, но и женщины. А если эти изменения направлены на то, чтобы оповещать окружающих о готовности забеременеть, женщины вовсе не обязательно сочтут их привлекательными, зато могут почувствовать угрозу.

Проверка этой гипотезы потребовала довольно сложной подготовки. Сначала исследователи создали прототип (см. рисунок). Они сфотографировали лица 18 женщин в фертильной и лютеиновой стадиях цикла и нанесли на каждое изображение 179 точек, определяющих черты и форму лица. Затем изображения свели вместе и получили 179 усредненных меток для каждой фертильной и лютеиновой фазы. То есть прототип представляет собой сводный образ 18 женщин.

Затем исследователи изготовили стимулы. Для этого выбрали 20 фотографий женщин с нейтральным выражением лица, нанесли на него те же 179 меток и затем с помощью компьютерной программы привели к фертильному и лютеиновому прототипам.

Первый этап исследований провели онлайн, в нем участвовало 160 женщин разной сексуальной ориентации от 18 до 40 лет, 77 из них принимали гормональные контрацептивы. Им показывали пары фотографий в случай-

ном порядке и просили выбрать более привлекательное лицо. Никакой связи между их выбором и фазой стимула исследователи не обнаружили.

Второй этап провели в лаборатории. Те же стимулы показывали 60 женщинам. Участниц эксперимента просили не только выбрать более привлекательное лицо, но и указать, какая из девушек на фотографии могла бы увести у них парня, составить конкуренцию прямо на свидании. Лица-стимулы на стадии овуляции не казались девушкам ни красивее, ни опаснее лютеиновых. Ситуация изменилась, когда ученые разделили участниц на принимавших и не принимавших контрацептивы и проанализировали отдельно ответы каждой группы. Оказалось, что испытываемые, не принимавшие гормональные препараты, считают девушек в стадии овуляции возможными конкурентками, хотя и не находят их более привлекательными.

Психологи старались, чтобы все участницы опроса находились в одинаковых условиях, и минимизировали внешние воздействия. Исследования проводили в дневное время, участниц просили в течение полутора часов перед тестированием воздерживаться от еды, питья (можно только воду) и физических нагрузок. Все они во время эксперимента пребывали в лютеиновой фазе, но у женщин, которые не пользуются гормональными контрацептивами, уровень эстрадиола выше. Исследователи полагают, что именно эстрадиол позволяет женщине оценить гормональный статус другой женщины и понять, соперница она или нет, тем более что сама испытываемая находится в это время в лютеиновой фазе, то есть на минимуме привлекательности.

Хотя связанные с овуляцией признаки не делают женское лицо более привлекательным для других женщин, они все-таки не остаются слепы к этим сигналам. Дамы с высоким уровнем эстрадиола, то есть с высоким репродуктивным потенциалом, хорошо чувствуют опасность и могут принять меры, изменив стратегию поведения по отношению к партнеру и возможным соперницам.

1. Miller G., Tybur J., Jordan B.D. Ovulatory cycle effects on tip earnings by lap dancers // *Evolution and Human Behavior*. 2007. No 28. P. 375–381.
2. Haselton M. G., Gildersleeve K. Can Men Detect Ovulation? // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. No 20. P. 87–92.
3. Oberzaucher E., Katina S., Schmehl S., Holzleitner I., Mehu-Blantar I., Grammer K. The myth of hidden ovulation: shape and texture changes in the face during the menstrual cycle // *Journal of Evolutionary Psychology*. 2012. No 10. P. 163–175.
4. Lobmaier J. S., Bobst C., Probst F. Can women detect cues to ovulation in their women's faces? // *Biology Letters*. 2016. No 12. 20150638.

Пожалуйста, не позорьтесь

Открытое письмо руководителю Общественного телевидения России А. Г. Лысенко

Уважаемый
Анатолий Григорьевич!

Совсем недавно и я, и многие общественные ученые с удовольствием поздравили Ваш канал с двухлетним юбилеем.

Особенно приятно было отметить, что науке на канале посвящено много очень качественных передач. Не только телезрители, но и читатели TrB-Наука знают об этом, так как газета публикует большинство выступлений

Л. М. Зеленый

российских ученых в программе «Гамбургский счет». Есть много и других отличных передач. Как большинство нормальных людей, я ненавижу рекламу и единственный выбор, который делаю, включая телевизор, — между ОТР и «Культурой».

Откровенно говоря, меня ошарашило то, что я увидел в эфире ОТР вечером во вторник 24 мая. Весь набор безумной рентгеновской чепухи об инопланетянах, контролирующей Солнце и сбивающих с орбиты Луну, чтобы уничтожить человечество, нейтронных генераторах, которые российские и американские ученые доставили на Марс, чтобы отработать там на марсианах нейтронное оружие, и т.д.

Не хочется повторять весь этот бред, в который вкраплены фрагменты реальной информации, в частности, о российском приборе ДАН, изготовленном в ИКИ РАН, где действительно есть нейтронный генератор. Прибор стоит на американском марсоходе Curiosity и уже четвертый год успешно занимается поисками воды под поверхностью Красной планеты.

Всплыла и совсем одиозная, неоднократно обсмеянная история, долго муссировавшаяся на Рен ТВ, о том, как Сталин и Трумэн в Потсдаме якобы разделили Луну между СССР и США. Историю придумал наш замечательный фантаст-озорник Роман Арбитман, и вот теперь ОТР «купило» на эту невинную шутку.

Несмотря на то что от таких откровений волосы встали дыбом, я досмотрел передачу до конца. Она называлась «В мире секретных знаний. Кто охраняет космос» и выложена на сайте ОТР (www.otr-online.ru/kino/32078.html). Каждый интересующийся паранормальными явлениями, могущественными инопланетянами и т.д. может углубить свои знания. На сайте ОТР эта передача анонсирована вполне невинно: «Репортаж, посвященный российским войскам противоракетной обороны. О чем сегодня говорят мужественные герои невидимого щита Земли?».

Думаю, именно этим подловато-лукавым анонсом Вас и ввели в заблуждение те сотрудники, кто протащил эту передачу на канал.

Уважаемый Анатолий Григорьевич! Мы знаем Вас как высочайшего профессионала — пожалуйста, будьте внимательней. Мы ценим Ваш канал, готовы всячески Вам помогать и надеемся увидеть на ОТР еще множество отличных передач!

Л. М. Зелёный,
академик РАН,
директор Института
космических исследований РАН

О ситуации в Бурятском госуниверситете

В декабре прошлого года Андрей Заякин приезжал в Улан-Удэ, чтобы участвовать в лишении степени одного из незадачливых аспирантов профессора Николая Мошкина, чья группа внедрила практику, названную Диссернетом «внутрикафедральным инцестом»: когда одну и ту же диссертацию защитило человек десять из так называемой единой научной школы. В январе 2015 года Николай Мошкин приказом Минобрнауки России был назначен на должность временно исполняющего обязанности ректора БГУ, так как у прежнего ректора Степана Калмыкова истек срок полномочий. О сегодняшней ситуации в одном из ведущих вузов Восточной Сибири **Андрей Заякин** беседовал с докт. физ.-мат. наук, кандидатом в ректоры БГУ **Валерием Архинчевым**.

— Валерий Ефимович, я помню недавние протесты коллектива БГУ в отношении нового руководства. Однако результат выдвижения кандидатов на последнем ученом совете говорит об обратном: Вас не поддержали. Что произошло?

— Собственно, выдвижения не было. Этот вопрос даже не был включен в повестку заседания ученого совета. Просто в конце заседания как бы между прочим было сказано, что пришло письмо из Минобрнауки России, в котором рекомендовано представить своего кандидата на должность ректора до 16 мая. И тут же заставили открытым голосованием проголосовать за врио как единственного кандидата. А 4 мая мы читаем в СМИ интервью пресс-секретаря БГУ о том, что выдвижение единственного кандидата, нынешнего и.о. ректора Николая Мошкина состоялось.

— А как это соотносится с регламентом?

— По действующему Положению о выборах ректора выдвижение кандидатов начинается с момента официальной публикации в СМИ. Поэтому можно говорить о многочисленных нарушениях процедуры выдвижения, о сокрытии письма Минобрнауки и т.д. Но главное в той пагубной атмосфере, которая сегодня насаждается в университете. Когда коллектив отстранен от возможности честно и открыто выбирать себе руководителя, когда нет уважения и доверия к сотрудникам, когда в обход коллектива принимаются решения, а потом идет игра в выборы, когда кругом сплошные фальсификации... Ну скажите, как можно выбирать на должность ректора крупнейшего вуза республики человека, который создает такую атмосферу? На мой взгляд, временный руководитель университета Николай Мошкин не достоин этого статуса и вообще самого звания ученого.

Николай Мошкин. Фото З. Дагбаева (<http://russianstock.ru>)

— Это Вы имеете в виду 98 страниц заимствований в работе Мошкина? Но Вы же помните, что глава ВАК В. М. Филиппов сказал мне в недавнем интервью: если плагиат имел место вне срока давности, то жалобы не могут быть обращены не только в Департамент, но и по месту работы и т.п. Чем Вы собираетесь формально докзывать Ваше утверждение, коль скоро срок давности по диссертации прошел?

— Мошкин не только, мягко скажем, вошел в заблуждение научное сообщество. Выяснилось, что он ввел в заблуждение и администрацию главы республики, когда при поступлении на госслужбу и в дальнейшем, будучи замминистра, скрывал информацию о том, что одновременно является руководителем бизнес-структуры. Было нарушение Трудового кодекса, согласно которому генеральный директор ООО обязан указывать в трудовой книжке свою должность.

Дальше обнаружилось, что звание профессора у Николая Мошкина тоже липовое. На момент представления на звание профессора у него не было ни одного учебного-методического пособия, необходимого

Андрей Заякин («Фейсбук»)

по Положению, и он представил подложные документы. Сами пособия были сданы в печать 8 месяцев спустя после направления документов в ВАК и уже после получения звания профессора. То есть, получается, через обман он пришел к должности замминистра, незаслуженно стал доктором наук и незаслуженно получил звание профессора...

Валерий Архинчев (asiarussia.ru)

— Что дает Вам основания утверждать, что коллектив по-прежнему настроен против Мошкина? Ведь формально Ученый совет проголосовал за него.

— В условиях жесткого административного давления, когда угрожают увольнением, не каждый решается открыто высказать свою позицию. Надо понимать, что рынок труда у нас в республике не такой большой, устроиться по специальности непросто. Сотрудников понять можно, но думаю, что большинство в душе считает, что должны быть открытые выборы. Пусть все, и тот же Мошкин, участвуют в выборах на равных правах.

Что касается ученого совета, сейчас из 65 членов, включая двух студентов, в него входят 33 временно исполняющих обязанности, от проректоров до завкафедр; 14 введены были заново. Конечно, все находится в подвешенном состоянии — малейшее проявление нелояльности грозит снятием с должности как минимум, а то и увольнением.

— Что из деятельности команды Мошкина запомнилось Вам за время его руководства?

— Временное руководство полностью дискредитировало себя в глазах научно-преподавательской общественности России. Так, и.о. проректора по учебной работе был назначен «бостонский доктор» А. Н. Макаров, на протяжении многих лет представлявший доктором экономических наук, выставивший эту информацию на официальном сайте БГУ, однако, как выяснилось после запроса в ВАК, не имеющий этой степени. После разоблачения он заявил во всеуслышание, что им была защищена диссертация не в России, а в Бостонском университете в 2009 году. Простой запрос в Бостонский университет показал, что там его «даже рядом не стояло» и у него нет ни одной публикации на английском языке. И это второй человек в руководстве.

— Руководство московских вузов реагирует на наши разоблачения плагиата созданием комиссий. Например, Финуниверситет рекомендовал к непродлению контрактов или невыдвижению на конкурс 12 чело-

век, причастных к изготовлению диссертаций с плагиатом. А как руководство БГУ реагирует на подобную критику?

— Очень болезненно. Работу в университете Мошкин начал с увольнений. Вместо того чтобы проникнуться сложившимися университетскими традициями, понять запросы коллектива и найти с ним общий язык, он начал угрожать и увольнять неугодных. Убрал в первую очередь весь костяк — проректоров, деканов; часть преподавателей сами уволились. Дважды увольняли меня, но я восстановился через суд.

— Я разговаривал с рядом серьезных людей в Москве — сенаторами, депутатами, профессорами московских вузов, которые родились и выросли в Бурятии или работали там, и они очень болезненно реагируют на эти события. А как воспринимается всё это у вас в Бурятии?

— В связи с несогласием выдвижения врио Мошкина Н. И. был заявлен уже четвертый митинг сотрудников и общественности по проблеме БГУ. Однако в дело вмешались депутаты и попросили дать время для диалога с исполнительной властью региона. И пока митинг передвинут на июнь. В свою очередь депутаты планируют провести вторую внеочередную сессию Народного Хурала по ситуации в БГУ, на которой может быть поставлен вопрос о доверии правительству Бурятии.

— Видите ли Вы в навязывании коллективу столь одиозной фигуры неумную политику Москвы или рейдерство скорее имеет местные корни?

— Наверное, у этого явления в первую очередь местные корни, и связаны они были с предстоящими досрочными выборами главы региона. Все-таки БГУ — это 1,5 тыс. преподавателей и еще 10 тыс. студентов. В условиях планируемых тогда выборов главы это был бы важный аргумент на выборах. А что будет с вузом после выборов, особенно никого не волновало. Но многочисленные протесты общественности и депутатов изменили политическую ситуацию в регионе, досрочных выборов главы уже не будет, поэтому самое время вернуться на исходные позиции — выборы ректора университета. Эта позиция поддержана на встречах с депутатами и главным федеральным инспектором по РБ С. А. Ромахиным. Почему кандидатура Мошкина поддерживается Минобрнауки — для нас загадка...

— В публикации в «Новой газете» я привожу данные о том, что в России уже около 40 ректоров либо диссероделы, либо плагиаторы. Неужели Вы думаете, что Минобрнауки понесет репутационные потери, если назначит 41-го плагиатора в ректоры?

— Все-таки случай с БГУ уж очень уникален: нигде нет такого, чтобы врио ректора систематически годами нарушал федеральные законы о госслужбе, № 273 «Об образовании», постановления правительства РФ, Трудовой кодекс, устав университета. Нигде нет такого, чтобы во главе университета стояли проходимцы, не имеющие подтвержденных дипломов доктора наук. Нигде нет такого явного использования служебного положения, беспардонного кумовства и протектирования и полного пренебрежения правовыми нормами, которым скоро будут даны и соответствующие юридические оценки. Кроме того, весьма принципиальную позицию по отношению к врио Мошкину заняли депутаты Народного Хурала.

ТрВ-Наука будет следить за развитием событий.

ДУРАН

Уважаемая редакция!

С чего начинается путь ученого? Правильно, со школьной скамьи! А с чем у нас ассоциируются школьные годы? Не только с домашними заданиями и зубрежкой, но и с другими вещами, поднимавшими нас в собственных глазах. Помните пионерские годы, галстук,

который был с красным знаменем цвета одного? Романтика! И конечно, то, что с развалом Советского союза это ушло, было печально.

Но к нашему счастью, наш национальный лидер задумался об этом и в прошлом году издал указ «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации „Российское движение школьников“ (РДШ)». 19 мая в моем родном МГУ подвели итоги первого съезда РДШ. Приветствуя участников, наш родной министр Дмитрий Ливанов отметил символичность проведения съезда в День пионерии, сказав: «Это говорит о возрождении лучших традиций ученического самоуправления. — И подчеркнул: — Задача Российского движения школьников именно в том, чтобы каждый школьник смог раскрыть свой талант и стать достойным гражданином и патриотом своей страны».

Прекрасные слова! И организационно всё оформлено наилучшим образом: в основе движения лежит принцип соревновательности и добровольности, как сказал руководитель Федерального агентства по делам молодежи Сергей Пospelov на учредительном собрании, посвященном формированию движения. Вступить в РДШ можно будет на добровольной основе всем детям, достигшим восьми лет.

Я всегда гордился тем, как у нас в университете организовано студенческое самоуправление: студенческий совет МГУ возглавляют прекрасные юноши и девушки, он готовит отличные управленческие кадры и для самого университета. Недаром, ох, недаром бывший руководитель студсовета Илья Ильин стал деканом практически авторского факультета глобальных процессов! И перед моим мысленным взором пронеслась картина, как ребенок вступает в РДШ, потом — в студсовет, раскрывая свой талант и совершенствуясь в самоуправлении, а затем... И тут сбой — а что дальше?

Логичной траекторией развития ярких творческих личностей был бы переход от ученического самоуправления через самоуправление студенческое к, так сказать, самоуправлению ученому. Но только где оно, кто его видел?

Есть ли оно в бывших академических институтах, это самоуправление? Кажется мне, что многие институты ФАНО до сих пор пришиблены реформой РАН, стонут от бюрократизации и удушья самоуправления; поэтому есть тут определенная сложность и нужно приложить усилия, чтобы понять, как тут можно всё наладить.

И когда я думал об этом, мне пришла в голову замечательная мысль: в бывших академических институтах, конечно, разводить самоуправление и демократию не нужно — не для того ведь реформу проводили. Там следует наводить порядок и вертикаль, переводить, как в вузах, всех на временные ставки, чтоб если кто пикнул что не то — сразу бы за забором оказывался. Но есть у нас организация, которая является оплотом самоорганизации и самоуправления ученых! Организация, в которую вступают воистину на принципах добровольности и соревновательности, — Российская академия наук. Не с восьми, правда, лет, а, скорее, с восьмидесяти, но не суть — раскрытию таланта и профессиональному росту все возрасты покорны!

Уже сейчас в определенных кругах началось оживление, связанное с приближением давно не случавшихся академических выборов: и стар и млад протирают запившиеся дипломы и строят многоходовые комбинации. Но пока есть существенная заковыка на пути реализации планов по построению ученого самоуправления: РАН существует в форме бюджетного учреждения, а это, сами понимаете, закон и порядок.

Нет, истинно свободная организация в таком формате существовать не может и не должна! Необходимо отринуть бюджетные пути и создать Общероссийскую общественно-государственную организацию ученых зрелого возраста «Движение ученых „Российская академия наук“», реализовав до конца заветную реформистскую мечту Дмитрия Викторовича: Академия наук должна стать клубом ученых, свободным от заботы о собственности.

Тогда наконец мы сможем предначертать подлинную траекторию самоуправляемого развития и профессионального роста человека от 8 до 80 — от РДШ к ДУРАН!

Ваш Иван Экономов

Обложка книги А. Л. Зорина.
(www.nlobooks.ru/node/6904)

В издательстве «НЛО» вышла долгожданная книга Андрея Леонидовича Зорина, профессора Оксфордского университета, РГГУ и РАНХиГС, «Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века» [1]. Ключевые слова в названии – «эмоциональная культура».

Андрей Зорин (summer.gaidarfund.ru)

Веками изображение и изучение чувств было доступно только художественной литературе. И она справлялась по-своему. Но любой, кто читал тексты и биографии людей других времен, понимал, что у каждого времени свой смысл слов «любовь», «дружба», «честь», «семья», «успех», «счастье». И герои, произнося одни и те же слова, ведут себя по-разному.

Во введении объясняется теория вопроса. Она довольно сложна, но без этого невозможно понять и оценить, как автор в следующих главах разбирается с конкретными историями.

Литературовед Лидия Гинзбург в дневниках 1930-х годов писала о своих «эксцентрических» требованиях к исторической науке. «Она искала метод исторического анализа,

Русский сентиментализм как способ жить, чувствовать и умереть

Екатерина Буз,

выпускница РГГУ, ведущая книжной колонки в газете «Подмосковье сегодня»

который позволил бы двигаться от рассмотрения огромных массовых движений до всё умельчающихся групповых формаций; и вплоть до отдельного человека, включая самые интимные стороны его внутренней жизни», — отмечает автор.

Тогда же в Европе были заложены основы новой исторической дисциплины — *истории эмоций*. У ее истоков стоял основатель Школы анналов Люсьен Февр (Lucien Febvre). Он первым стал искать ответ на вопрос, как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого. Следующий рывок был сделан в трудах американского антрополога Клиффорда Гирца (Clifford James Geertz), который считал, что наука «должна приобрести доступ к категориям миропонимания изучаемых людей», т.е. понять смысл и значение, которыми они сами наделяют свое поведение. Гирц понял принципиальную вещь: «...сама способность человека чувствовать так, а не иначе определяется культурой, к которой он принадлежит».

Когда-то обладая счастливой возможностью обсуждать с профессором Зориным коллизии самоубийства Михайлы Сушкова, я пылко говорила ему: «Русский дворянин не может просто так удавиться», имея в виду причину и способ действия. Профессор посмеивался, хотя история была вполне драматическая.

Михайло Сушков был первым русским литератором-самоубийцей. Он покончил с собой летом 1792 года накануне вступления в престижный гвардейский полк. Среди его бумаг была найдена повесть «Страдания Российского Вертера». Мотивы и смыслы его поступка до сих пор представляются не совсем ясными.

Гирц, конечно, формулировал лучше меня. Он считал, что «наши действия, наши ценности, даже наши эмоции, так же как и сама наша нервная система, являются продуктами культуры». Действительно, покончить с собой просто так русский дворянин и литератор не может. Он продлевает это определенным образом.

Чтобы решить, что делать, надо понять, что чувствуешь. А чтобы опознать свои чувства, нужен образец. Его дают ритуал, миф и искусство. А это уже общее достояние. Так эмоции и были выведены из потаенных глубин души на свет науки.

Чтобы добраться до эмоций конкретного человека, голландские психологи Нико Фрейда (Nico Henri Frijda) и Баття Месквита (Batja Mesquita) разработали модель «эмоционального процесса». Модель объяснила, каким образом человек от чувств переходит к действиям. Событие наделяется значением, т.е. кодируется, затем оценивается, затем наступает готовность к действию, которая может быть реализована или не реализована в поведении. Интенсивность этих процессов зависит от того, насколько сильно затронуты интересы и ценности героя. По-русски это называется «субъективная вовлеченность». А ее, в свою очередь, регулируют культурные нормы.

Автор применяет эту концепцию, потому что считает ее эвристически продуктивной для своего исследования.

Император Петр I победил шведов, прорубил окно в Европу, переделал своих поданных в европейские костюмы, разобрался с бородами и построил новую столицу. Это было начало. На освоение культуры потребовалось больше времени. При-

Баття Месквита
(mesquita.socialpsychology.org)

мерно с середины XVIII по начало XIX века русские дворяне учились чувствовать по европейским образцам и делали это очень интенсивно. Немцам, англичанам и французам не надо было учиться на европейцев. Они предоставляли образцы.

Источниками, по которым обучались переживаниям, были книги определенного круга европейских авторов и театральные постановки. Интенсивный период усвоения образа мыслей и чувств пришелся на царствование императрицы Екатерины II. Государыня активно занималась воспитанием из подданных новых людей, которые должны были руководствоваться уже не обычаями, а правилами, почерпнутыми из европейской культуры. Книга показывает, что без личных переживаний культура не усваивается. После этого ученичества нам и досталась великая русская литература XIX века. А то, как осваивались эмоции, — захватывающе интересное чтение.

С этих позиций автор пишет о роли Смольного института, где обучались быть новыми женщинами, воспитанию чувств московских масонов, самоубийстве Радищева, Сандуновском скандале и о многих других увлекательных вещах, которые благодаря методам истории эмоций обретают смысл и становятся понятными современному читателю. Без реконструкции скандальная история отношений директора Смольного института Ивана Бецкого с воспитанницей Глафирой Алымовой остается только смешным придворным анекдотом, а самоубийство Радищева и вовсе малопонятным поступком.

Главный герой этой книги — менее известный персонаж. Андрей Иванович Тургенев (1781–1803) был усердным читателем Гёте, Руссо и Шиллера, неудачливым поэтом и переводчиком. У него случился роман с Екатериной Михайловной Соковиной, хотя он был влюблен в ее сестру Анну, в свою очередь являвшуюся невестой его брата Александра Тургенева. Их общим наперсником был Василий Андреевич Жуковский.

Опираясь на дневники Андрея Тургенева и переписку членов этого кружка нежных душ, Андрей Зорин показывает, что эмоциональные матрицы брались из нескольких литературных произведений. В частности, главным источником был роман Руссо «Новая Элоиза». Данная реконструкция освобождает героев истории от обвинений в лицемерии. Она приближает к нам живых людей, которые в своей эмоциональной жизни не только могли находиться не в

Портрет Андрея Тургенева

одной эмоциональной матрицы, но даже и выпадать из усвоенных образцов и создавать более или менее удачно новые. Андрей Тургенев стал центральным персонажем этой истории именно потому, что в своих дневниках и письмах он сделал шаг от сентиментализма к романтизму, от чувствительности к холодности. И его смерть от холода (он серьезно простудился и усугубил болезнь, поев мороженого) представляется максимально полной реализацией этого определения.

До «Появления героя» многие догадывались, что культура не существует без личного переживания и что в XVIII–XIX веке переживались в основном литературные сюжеты. Это создавало неповторимую атмосферу образованного русского общества. С «Появлением героя» стал понятен сам механизм, создававший своеобразие классической русской культуры, что открывает необозримые научные перспективы.

1. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
www.nlobooks.ru/node/6904

ПОМОЩЬ ГАЗЕТЕ «ТРОИЦКИЙ ВАРИАНТ – НАУКА»

Дорогие читатели!

Мы просим вас при возможности поддержать «Троицкий вариант» необременительным пожертвованием. Почти весь тираж газеты распространяется бесплатно, электронная версия газеты находится в свободном доступе, поэтому мы считаем себя вправе обратиться к вам с такой просьбой. Для вашего удобства сделан новый интерфейс, позволяющий перечислять деньги с банковской карты, мобильного телефона и т.п. (<http://trv-science.ru/vmeste/>).

«Троицкий вариант – Наука» — газета, созданная без малейшего участия государства или крупного бизнеса. Она создавалась энтузиастами практически без начального капитала и впоследствии получила поддержку фонда «Династия». Аудитория «Троицкого варианта», может быть, и невелика — десятки тысяч читателей, — но это, пожалуй, наилучшая аудитория, какую можно вообразить. Газету в ее электронном виде читают на всех континентах (нет данных только по Антарктиде) — везде, где есть образованные люди, говорящие на русском языке. Газета имеет обширный список резонансных публикаций и заметный «иконостас» наград.

Несмотря на поддержку Дмитрия Борисовича Зимина и других более-менее регулярных спонсоров, денег газете систематически не хватает, и она в значительной степени выживает на энтузиазме коллектива. Каждый, кто поддержит газету, даст ей дополнительную опору, а тем, кто непосредственно делает газету, — дополнительное моральное и материальное поощрение.

Р. С. Для поддержавших газету предусмотрены подарки по желанию: книги Бориса Е. Штерна, изданные «Троицким вариантом» в электронном виде: «Ковчег 47 Либра» или «Прорыв за край мира» (для хорошо поддержавших — обе книги :). Чтобы получить подарок, пожалуйста, сообщите на subscribe@trvscience.ru о своем желании строкой типа: «Я поддержал газету и хотел бы получить в подарок книгу „XX“ в формате pdf/fb2».

Редакция

РЕКЛАМА, ОБЪЯВЛЕНИЯ

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР
на СИРЕНЕВОМ

Ваш выбор –
БЕЗУПРЕЧЕН!

КАЛЕЙДОСКОП
ТОВАРЫ ДЛЯ ДОМА

ИЗЮМНАЯ КОМПАНИЯ
«ДИАМАНТ»

ВЫГОДНЫЕ
ОКНА

Семья

Гранд-Элита Туризм
Туристическая компания

Ангелочек

г. Троицк, Сиреневый бульвар, дом 7

«Троицкий вариант»

Учредитель — ООО «Трoвант»

Главный редактор — Б. Е. Штерн

Зам. главного редактора — Илья Мирмов, Михаил Гельфанд

Выпускающий редактор — Наталия Демина

Редакционный совет: М. Борисов, Н. Демина, А. Иванов,

А. Калиничев, А. Огнёв

Верстка — Татьяна Васильева. Корректура — Мария Янина

Адрес редакции и издательства: 142191, г. Москва, г. Троицк., м-н «В», д. 52; телефон: +7-910-432-3200 (с 10 до 18), e-mail: info@trvscience.ru, trv@trovant.ru, интернет-сайт: www.trv-science.ru.

Использование материалов газеты «Троицкий вариант» возможно только при указании ссылки на источник публикации.

Газета зарегистрирована 19.09.08 в Московском территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33719.

Тираж 5000 экз. Подписано в печать 30.05.2016, по графику 16.00, фактически — 16.00.

Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт». 127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Заказ №

© «Троицкий вариант»